

Александр Михайловский
Юлия Маркова

ГОД 1918-й ЧАША ГНЕВА



В закоулках Мироздания - 16

В закоулках Мироздания

Александр Михайловский

Год 1918, Чаша гнева

«Автор, Автор»

2023

Михайловский А. Б.

Год 1918, Чаша гнева / А. Б. Михайловский — «Автор, Автор»,
2023 — (В закоулках Мироздания)

Самое начало 1918 года, время, когда случились уже все роковые события, но их итог еще не был предрешен. На Западном фронте продолжается ожесточенная бойня, а на востоке установилось хрупкое затишье, сопровождающееся интенсивной возней мирных переговоров в Брест-Литовске. Антанта уже отвергла предложение о заключении всеобщего справедливого мира без аннексий и контрибуций, после чего Ленин дал установку на заключение сепаратного мира. Но в партии большевиков по этому вопросу имеются разные мнения, значительное большинство в ЦК выступает за ведение против Германии «революционной» войны. И как раз в этот момент, в несчастный мир, уже беременный разгулом самого необузданного насилия на просторах одной шестой части суши, приходит Артанский князь Серегин, перед которым стоит задача унять разбушевавшихся демонов революции и контрреволюции и направить Россию и все местное человечество по лучшему пути.

© Михайловский А. Б., 2023

© Автор, Автор, 2023

Содержание

Часть 61	5
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Александр Михайловский, Юлия Маркова

Год 1918, Чаша гнева

Часть 61

Семьсот восемьдесят второй день в мире Содома. Полдень. Зброшенный город в Высоком Лесу, Башня Силы.

Капитан Серегин Сергей Сергеевич, великий князь Артанский

Окончательного наполнения энергией каналов в восемнадцатый год мы ждали шесть дней. Не мгновенно (как хотелось бы, потому что слова Димы-Колдуна о возможности попасть в мир Великой Отечественной Войны к шапочному разбору напрягали), но и не так долго, чтобы от нетерпения сгрызть ногти на руках до локтей. Единственное, что нам оставалось, это следить за Фракийско-Константинопольской операцией русско-болгарских сил, развивающейся с неумолимостью снежной лавины. К исходу одиннадцатого ноября вторая армия генерала Горбатовского с ожесточенными боями взяла Кырларели, отбросив противника в сторону города Бабаэски. Одновременно с этим первая и вторая болгарские армии под объединенным командованием генерала Радко-Дмитриева форсировали Марицу и, преодолевая отчаянное сопротивление противника, овладели населенным пунктом Узункенпрю, обозначив вторую сторону малых клещей, а девятая армия генерала Лечицкого, продвинувшись до ближних подступов к Эдирне, огнем тяжелых осадных орудий принялась разносить город в щебень. При этом пятая армия генерала Плеве, испытывавшая наименьшее сопротивление, пехотой продвинулась до Текирдага, а конный корпус генерала Келлера выдвинулся еще дальше и перерезал железную дорогу Эдирне-Константинополь в районе города Чёркезкей. А вот это уже односторонние большие клещи... Вот так: Артанский князь взирает на все, засунув руки в карманы, а его протеже воюют так, что любо-дорого смотреть. Еще неделя – и все тут будет кончено.

И вот наступил тот день, когда Дима-Колдун сообщил, что мир восемнадцатого года созрел для прощупывания. Открыв первое просмотровое окно в Петроград того мира, мы увидели зимний пейзаж: присыпанные снегом крыши домов, заваленные сугробами замусоренные улицы, тлеющие на перекрестках костры, вокруг которых, притопывая, греются вооруженные неряшливые люди, частью в штатском, частью в солдатском и матросском обмундировании. От обыкновенных бандитов их отличают только красные повязки на руках или такие же банты, приколотые в петлицах. Ну чисто сцена из старого советского телефильма «Рожденная революцией». Для полного антуража не хватает только гопников, пристающих к хорошо одетой дамочке, или каких-нибудь бандюков, вламывающихся в богатый особняк с целью его экспроприации. Самодельные «милиционеры» с винтовками в таком случае и ухом не ведут, ведь у главаря банды всегда есть какой-нибудь самодельный мандат, да и силы обычно неравны.

– Зима – это интересно, – сказал я. – Вряд ли это декабрь, ибо нам была обещана первая половина года. Скорее всего, январь, февраль или март.

– Март тоже вряд ли, Сергей Сергеевич, – напуская на себя солидность, баском произнес Профессор. – Я читал, что весна в восемнадцатом году была ранняя, а тут – никаких признаков капели или подтаивания сугробов.

– Молодец, Профессор, – похвалил я, – пять за наблюдательность. Но диапазон январь-февраль – это слишком неточно, чтобы планировать хоть какую-то деятельность. Нужна конкретная дата.

– Нужно брать языка, – безапелляционно заявила Кобра. – Иначе никак. И не босяка, а какого-нибудь прилично одетого господина, хорошо ориентирующегося в том, какая сейчас

дата по юлианскому, а какая по григорианскому календарю. Не исключено, что момент такой, что нам придется немедленно хватать ноги в руки и гнаться за убегающим временем, а мы тут стоим и разговоры разговариваем.

– И что потом? – спросила Птица. – Мы вернем этого человека в творящийся в его мире революционный хаос? По сравнению с тем, что мы видим, даже наши бандитские «девяностые» кажутся благоуханными райскими кушаньями. По крайней мере, уголовный розыск тогда никто не отменял, и беспредел удерживался хоть в каких-то рамках.

– Беспредел продлился гораздо дольше «девяностых», – сказал я, – да и в семнадцатом году сыскную полицию отменили отнюдь не большевики, а Временное правительство. И оно же вместе с политическими заключенными выпустило из мест заключения всех уголовников. Присев на Россию, аки голуби на памятник Петру Великому, эти «люди с хорошими лицами» тут же постарались загадить все, что находится в пределах их досягаемости. Всей своей сущностью Защитника Земли Русской я ощущаю исходящий от того мира смертный ужас и торжество самого необузданного и гнусного насилия. Прежде я желал избежать этого задания, но теперь вижу, что с моей стороны это была слабость духа. Моя задача – загнать всю эту хтонь обратно в Ад, чтобы не было ее больше среди людей. И еще я понимаю, что в новом мире у меня совершенно не будет времени на сантименты, а потому придется бить наотмашь изо всей силы как по безумным углубителям революции, так по их оппонентам из числа белых генералов, национальных сепаратистов и иностранных интервентов, к какому бы блоку стран они ни принадлежали. Еще я хочу призвать к ответу людей, которые за год до текущих событий схватились за власть, вырвав ее из рук ослабевшего царя, но не смогли принести измученной стране ничего, кроме окончательного разорения и развоплощения. Но эта деятельность пойдет у меня в попутном режиме, поскольку ничего в текущем раскладе эти люди изменить уже не в состоянии. Они свое дело уже сделали. Dixi! Да будет так!

Прогремел небесный гром, своей печатью скрепляя мою программу. Просмотровое окно тем временем продолжало медленно и печально скользить вдоль улицы, заглядывая в каждую темную подворотню. И вдруг боец Матильда крикнула, указывая в темноту провала:

– Смотрите, Сергей Сергеевич! Там женщину грабят!

И точно. В одной из подворотен три типа босаякко-уголовного вида прижали к стене хорошо одетую дамочку (явно из недавней чистой публики) и проводили над ней процесс экспроприации. Пока один направлял на жертву браунинг, другой зажимал ей рот, а третий, расстегнув пальтишко, шарил руками на теле. Ну вот и гопники нарисовались, куда же без них... Кобра, она у нас такая – отреагировала на это безобразие почти мгновенно.

– погоди, Батя, я сейчас! – выкрикнула она и, выхватив из ножен «Дочь Хаоса», превратила просмотровое окно в полноценный портал, после чего ринулась наводить справедливость в своем стиле.

Как тогда с Ильичом в мире русско-японской войны, я и сказать ничего не успел, а все было уже кончено. Первой, срубленная по локоть, куда-то в сторону улетела рука с браунингом. Второй выпад – и острое махайры на ладонь входит в левый глаз того типа, что зажимал жертве рот. Поворот лезвия – и голова бандита с кровавыми брызгами лопается, будто переспевший арбуз. Третий субъект, оценив размеры и устрашающий вид орудия возмездия, а также быстроту расправы, собрался было уносить ноги, но его настиг рубящий удар от плеча до пояса, разделивший тело на две асимметричных половины. И, наконец, последний взмах «Дочери Хаоса» лишил головы того типа, что, вопя от боли, с ужасом взирает на обрубок своей правой руки. Безвольно оседающее тело и фонтан крови, бьющий из перерубленной шеи... Когда Кобра и «Дочь Хаоса» решают задачу «убить всех за пятнадцать секунд», зрелище получается малоаппетитное и далекое от чистого гуманизма. Покойные ескувиторы Юстиниана дружно кивают в сторонке.

– Класс!!! – восторженно выдохнула боец Матильда. – Вот это я понимаю женская солидарность!

Не убирая меч в ножны, Кобра схватила остолбеневшую жертву ограбления за шиворот и втокнула ее к нам, шагнув следом. И вот уже портал снова превратился в просмотровое окно, отделяющее нас от того мира, и мы имеем возможность наблюдать, как в злосчастную подворотню заглядывают трое «милиционеров» и видят тот кровавый разгром, что оставила после себя неистовая Темная Звезда. Три разделанных как на бойне трупы и никаких следов того, кто это мог бы сделать. Не привыкли там еще люди к таким зрелищам... поэтому один из этих троих сразу начинает блевать, утирая рот рукавом штатского пальтишка. Впрочем, двое других (возможно, бывшие фронтовики) взирают на все довольно равнодушно. Видели они в похожем виде и своих и чужих, и даже, может быть, в кровавом безумии и классовой ненависти поднимали на штыки собственных офицеров.

Перевожу взгляд на Кобру, в руке которой все еще зажата «Дочь Хаоса», и вижу, что на лезвии нет ни следа крови. Такое впечатление, что чернобронзовая маньячка выпила все до капли, да еще и облизнулась. Последний раз Кобра так неистовствовала во время штурма султанского дворца в Константинополе шестнадцатого века, и вот теперь ее ятаган-махайра выглядит как алкаш, который долго был в завязке, и вдруг, по случаю, пропустил стопарик «беленькой»: настроение великолепное и улыбка до ушей. При этом мой архангел взирает на все со сдержанным одобрением; он бы и сам, наводя справедливость, был бы не прочь учинить нечто подобное, но ему не положено по должности. Законы Порядка в таких случаях довольно строги: сначала должно быть следствие, потом суд и только потом – приведение в исполнение вынесенного приговора. А тут все сразу в одном экономичном флаконе.

– Ну, вот вам, товарищи, и человек, которому можно задавать животрепещущие вопросы, – сказала Кобра, отпустив воротник спасенной жертвы и вкладывая меч в ножны. – Мы ее подобрали, теперь требуется приютить, покормить и обогреть.

При ближайшем рассмотрении под ярким светом второпях спасенная Коброй жертва революционного уличного гоп-стопа показалась мне скорее юной барышней, чем взрослой дамой. Сама худенькая, носик остренький, волос светлый, одета в пальто из хорошего черного сукна, с каракулевым воротником. Очевидно, в комплект входили каракулевая шапка-пирожок и такая же муфта, но в процессе недавнего злключения они нечаянно потерялись, и возвращаться в ту злосчастную подворотню у меня нет никакого желания. Также у меня нет никакого желания ругать Кобру за это поспешное проявление женской солидарности, благодаря которому выводить этот мир из русла Основного Потока нам теперь придется прямо в Петрограде.

Тем временем несчастная, буквально за шиворот выдернутая из своей действительности и представленная пред светлые очи Господнего Посланца (то есть мои), растерянно оглядывалась по сторонам. Только что она была в грязной, заплеванной и загаженной подворотне, а на улицах вокруг громоздились сугробы с протоптанными через них тропками (ибо дворников в столице бывшей Российской империи отменили вместе с городскими). И вдруг, бам-тара-рам, банальное уличное ограбление, совмещенное с попыткой изнасилования (в такие ситуации барышня еще не попадала, но была о них наслышана) оборачивается появлением из ниоткуда неистовой фурии-мстительницы, вооруженной почему-то старинным мечом. И та первым делом в несколько ударов расправляется с грабителями, а потом вталкивает жертву нападения в кабинет к какому-то важному начальнику. А тут все обставлено красивой и дорогой мебелью, горит яркий свет, тепло и даже жарко, что хочется скинуть пальтишко. А самое главное, хорошо одетые люди, мужчины и женщины, смотрят на нее с неподдельным интересом – мол, кто вы такая, сударыня, и чего от вас ждать?

– Господа... кто вы такие, и где я? – наконец растерянно произнесла несчастная жертва революционного беспредела. – Я... я не пойму, как это я вдруг оказалась здесь, среди вас?

– Вы, милочка, – сказала Кобра, – сейчас находитесь в самом натуральном Тридесятом царстве, а вон тот серьезный донельзя мужчина с мечом на боку – владетель этого места, самовластный князь Великой Артании Сергей Сергеевич Серегин, также носящий титулы Защитника Земли Русской и Божьего Бича. А теперь, будьте добры, назовите нам свою фамилию, имя и отчество, социальное и семейное положение, возраст, а также скажите, какая в вашем мире в данный момент идет дата по Григорианскому календарю...

Несчастливая девица несколько раз недоверчиво перевела взгляд с меня на Кобру и обратно, потом ущипнула себя за руку и не без колебаний ответила:

– Меня зовут Людмила Марковна Востринцева, я потомственная дворянка восемнадцати лет от роду, не замужем. Ну, сударыня, я не понимаю вашего последнего вопроса. Я знаю, что такое Григорианский календарь, но что такое дата в моем мире?

– Ну как вы не понимаете, Людмила, – сказала Анастасия, – ваш мир – это тот, в котором вы родились, он один-единственный среди всех сущих миров во всем Мироздании, созданном Всемогущим Творцом. Именно оттуда мы выдернули вас сюда, в Тридесятое царство, чтобы спасти от бандитов и поговорить. Пусть даже этот вопрос кажется вам странным, просто назовите нам число, месяц и год.

– Ну хорошо, господа, – со вздохом произнесла Людмила Востринцева, взмахнув светлыми ресницами, – и в самом деле, какая малость... Сегодня двадцать седьмое декабря тысяча девятьсот семнадцатого года от Рождества Христова по Юлианскому календарю, принятому в бывшей Российской Империи, или девятое января тысяча девятьсот восемнадцатого года по Григорианскому календарю. – Она обвела нас беспокояно-пытливым взглядом. – И вот теперь, когда я вам это сказала, вы вернете меня туда, откуда забрали?

– В ваш мир я бы не вернула даже дикое животное, – угрюмо сказала Кобра. – От него воняет предчувствием смерти, как от бойни. Так что это исключено. Не так ли, Батя?

– Именно так, – подтвердил я. – Несмотря на то, что Людмила Востринцева оказалась у нас случайно, она наша гостья с открытым листом – до тех пор, пока мы не исправим ситуацию в ее родном мире. Dixi! Птица и Анастасия, возьмите эту девицу и приютите ее в своем женском колхозе. Теперь, когда первичный портал уже открыт, ваше дальнейшее присутствие здесь уже не требуется. Дальше мы сами.

– Идемте, Людмила, – сказала Птица. – Не вы первая такая несчастная, попавшая в жернова истории, и не вы последняя. В миру, среди людей, меня зовут Анна Сергеевна Струмилина, и я тут работаю главной защитницей всех малых, сырых и слабых.

– Да, ничего не бойтесь, – подтвердила Анастасия. – Нет человека добрее, чем Анна Сергеевна, и к вам она тоже отнесется со всевозможным участием и вниманием.

Когда Птица и Анастасия вывели беспомощно озирающуюся по сторонам барышню Людмилу, я спросил:

– Итак, товарищи, кто хочет высказаться о сути сложившейся ситуации – как в плане того, что теперь, после неожиданной эскапады Кобры, мы будем вынуждены начинать свою деятельность с Петрограда, так и по поводу общего положения дел?

– Позвольте мне, товарищ Серегин, высказать свое мнение, – произнес Коба. – Оказавшись у вас в Тридесятом царстве, я внимательно изучил этапы развития революции в России как до того, как большевики взяли власть, так и позже. Я выявил ошибки товарища Ленина и товарища Сталина, а также установил те последствия, какие они имели в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе. Могу сказать, что на девятое января восемнадцатого года по новому стилю товарищ Сталин еще не успел совершить ни одной ошибки, а просчеты товарища Ленина пока не стали необратимыми. Немцы еще не успели признать Украинскую Центральную Раду в качестве государства, месье Троцкий уже петушится вовсю, но еще не успел по-крупному наломать дров, открыть перед немцами фронт, распустить армию и заключить похабнейший Брестский мир... Начинать нужно с товарища Ленина, который сей-

час, конечно, признанный лидер революции, но не хозяин даже в ЦК партии, где верховодят Бухарин, Зиновьев, Каменев, Троцкий, Свердлов и другие подобные кадры. Местный товарищ Сталин со своими сторонниками сейчас находятся в меньшинстве, а потому они вынужденно ушли в глухую оборону. Сейчас в партии сильны не те, кто думает о неизбежном построении социализма, а те, кто намерены разрушить до основания остатки старого мира, а потом еще и попрыгать на костях и руинах.

– Товагищ Коба совершенно прав, – заявил Ильич, вложив большие пальцы руки за проймы жилета. – Вставить сейчас мозги местному товарищу Ленину на место – задача архинужная и архиважная и ее я возьму на себя. Чай мы с Володей не чужие люди. А вопрос с неправильным большинством в ЦК партии товарищ Серегин сможет решить своими любимыми методами, с корнем отрывая от бранных тел дурные головы.

– Ну что же, – сказал я, – если для пользы дела потребуется отрывать дурные головы, будем их отрывать дурные головы. Если надо будет вразумить товарища Ленина, будем вразумлять товарища Ленина. Если понадобится вправить мозги Вильгельму Второму, чтобы он оставил Советскую Россию в покое, то мы справимся и с этой задачей. Воевать с местной Германской империей вместо русской армии я не собираюсь, но несколько локальных акций устрашения мне вполне по силам. Но сейчас, чтобы развязать себе руки, важнее всего выбить этот мир из Основного Потока. Я думаю, что встречи двух товарищей Лениных будет для этого совершенно недостаточно. У кого есть по этому поводу соображения?

– Проще всего сейчас было бы грохнуть товарища Троцкого, – с солдатской прямоотой заявила Кобра, – но эта гнусь сейчас в Бресте, так что туда лучше являться всей мощью, а не только одним штурмоносцем или, скажем, «Каракуртом»...

«В Бресте расположен штаб германского Восточного фронта, – сообщила мне энергооболочка, – под эгидой которого и проводятся переговоры делегаций Советской России и стран Четверного Союза. Курирует это мероприятие начальник штаба главнокомандующего Восточным фронтом принца Леопольда Баварского генерал Максимилиан Гофман, большой специалист по России и русским, а также ярый русофоб».

– Погоди, Кобра, – сказал я, – ты сейчас выдала просто гениальную мысль. У нас сейчас, помимо штурмоносца, боеготовы три «Святогора», один «Каракурт» и четыре эскадрона «Шершней». Этого вполне хватит, чтобы явиться в Брест и положить там всех мордами в грязь. Но начинать все же лучше со встречи с местным товарищем Лениным. Если это выбьет мир восемнадцатого года из Основного Потока, то хорошо, а если нет, то после операции в Бресте уже ничего не будет прежним. И никого и ничего мне при этом не будет жалко, кроме русского народа.

9 января 1918 года (27 декабря 1917 года). Поздний вечер. Петроград, Смольный, кабинет В.И. Ленина.

Товарищ Ленин в тишине своего кабинета работал над документами. Караулу у двери был отдан приказ никого не впускать, пусть даже это будет товарищ Свердлов или товарищ Коба¹. В самом кабинете стоял полумрак, горела лишь настольная лампа под абажуром, освещающая бумаги на письменном столе, а тишину нарушал только скрип пера. В настоящий момент товарищ Ленин вел тяжелую и изнурительную борьбу с товарищами по собственной партии, которых обуяло какое-то шапкозакидательское безумие. Некоторые из них были готовы вести «революционную» войну против стран Четверного Союза, даже если ее ценой станет ликвидация только что установившейся советской власти.

¹ Исполнительное бюро ЦК РСДРП(б), высший орган власти в партии большевиков, на тот момент состояло из четырех членов: В.И. Ленин, И.В. Сталин, Яков Свердлов и Лев Троцкий.

Сам Ленин был уверен, что в измученной затяжной войной и истощенной идеальной блокадой Германии вот-вот вспыхнет революция, надо только немного подождать и, поступившись малым, сохранить главное. Всеобщий мир «без аннексий и контрибуций», обещанный народу соответствующим декретом, уже приказал долго жить, ибо на него не согласились державы Антанты. Теперь речь шла о сепаратном мире, который надо было заключить как можно скорее, ибо огромная и неуправляемая старая армия находилась на последнем издыхании, разбегааясь с фронта толпами дезертиров. К тому же немаловажную роль играл тот фактор, что солдаты требовалось распустить по домам еще до начала весенних полевых работ. Черный передел земли в деревне шел полным ходом, и мужики в шинелях, сидящие в окопах, опасались, что вернутся по домам только к тому моменту, когда все самое интересное уже закончится.

«Мир, мир, мир, – писал Ленин, – Советской России нужен немедленный мир, пусть даже ценой тяжелых и унижительных уступок».

И вдруг в его кабинете вдруг повело миррой и ладаном, как будто поп навонял тут своим кадиллом, а потом удивительно знакомый голос произнес:

– Ну что, Володя, тяжела оказалась шапка Мономаха?

Ленин поднял глаза и увидел... себя самого, склонившегося над столом в знакомой позе с большими пальцами, заложенными за проймы жилета. Только этот второй Ленин был весь какой-то свежий, гладкий, румяный и, можно даже сказать, хрустящий новизной. Обычный человек, увидав подобное явление, начинает креститься, поминать нечистую силу, бормотать молитвы, плевать в свое отражение и орать: «Чур меня!». Но хозяин этого кабинета не верил ни в Бога, ни в черта, ни в прочую нечистую силу, а потому просто не знал, что делать в подобной ситуации. Случись такое годом-полтора позже, когда здоровье вождя мирового пролетариата уже было сильно ослаблено – и к нему по экстренному вызову мог бы прибыть гражданин Кондрат с оркестром и траурным катафалком. Но обошлось, только неприятно екнуло в груди. Будучи по натуре отчаянным трусом, избегающим всяких острых ситуаций, в подобные моменты Володя Ульянов чувствовал себя крайне неуверенно.

– Товарищ, вы кто? – только и смог спросить он у странного видения.

– Я – это ты, – ответил его визави, – но только из другого мира, отстающего от твоего чуть больше, чем на три года. Джордано Бруно ведь не просто так рассуждал о множественности миров, за что католическая церковь и спалила его на костре. Есть твой мир, мой мир, и множество других, лежащих в колее Основного Потока, выше и ниже их по течению времени, а также боковые миры, возникшие под влиянием стороннего вмешательства. Миры в Основном Потоке повторяют друг друга в мельчайших подробностях, так что при перемещении между ними может возникнуть иллюзия путешествия во времени. Но на самом деле это не так. Если любой из таких миров получит пинок в бок, то он вылетит из колеи и начнет двигаться в будущее по целине, прокладывая за собой путь последующим мирам.

– Допустим, – успокаиваясь, произнес местный Ленин. – Принято считать, что Джордано Бруно сожгли за то, что он выдвинул идею о существовании жизни на других планетах, но вполне может быть и так. Но ты-то как смог прийти из своего мира сюда ко мне, неужели просто не в том месте свернул за угол?

Его гость пожал плечами и ответил:

– Пошел, понимаешь, в горы погулять по Госницовой Гале² в самый канун империалистической войны, и оказался приглашен в гости к товарищу Серегину, преинтереснейшему человеку, что может ходить между мирами как через двери из комнаты в комнату. Человек, доставивший мне это предложение, при встрече предъявил мне партийный билет члена Коммунистической Партии из одного будущего мира. И заманил он меня к себе, предложив воспользоваться библиотекой своего начальника, полной еще ненаписанных книг...

² Госницова Галя – гора в Карпатах на юге нынешней Польши, а тогда в Австро-Венгерской Галиции.

– Пстой, но как же книги могут быть ненаписанными? – спросил хозяин кабинета у своего двойника. – Ведь это такая же ересь, как и сухая вода.

– Ничего ты не понимаешь, Володя, – вздохнул тот. – Эти книги не написаны в моем или твоём мире, а вот где-то в далеких верхних мирах не только написаны, но и сами поделались седой историей. Как тебе, к примеру, такое?

И с этими словами странный пришелец водрузил на стол толстую книгу в темно-серой матерчатой обложке, на которой золотом было вытеснено: «История Коммунистической Партии Советского Союза». Хозяин кабинета и не заметил, откуда она взялась, ведь только что в руках у гостя ничего не было, да и никакого баула или саквояжа при нем не имелось. Действительно, чудеса в решете... А ларчик просто открывался: в определенный момент Дима-Колдун через мини-портал сунул том прямо в руку Ильичу из четырнадцатого года: раз, и готово.

Машинально открыв обложку, хозяин кабинета с изумлением уставился на титульный лист. В эпиграфе – большевистский лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Издание пятое, дополненное, год печати – 1976-й. Перелистнув страницу, вождь мирового пролетариата начал читать предисловие: «Коммунистическая партия Советского Союза, основанная и выпестованная великим Лениным, прошла исторический путь, равного которому не знает никакая другая политическая партия в мире. Это путь героической борьбы, тяжелых испытаний и всемирно-исторических побед рабочего класса, побед социализма и коммунизма...»

Дальше товарищ Ульянов-Ленин из восемнадцатого года минут тридцать лихорадочно листал невозможную книгу, убеждаясь в реальности ее существования, а попутно и в реальности своего брата-близнеца из четырнадцатого года. Окончательно утвердившись в этом мнении, он поднял голову и хриплым каркающим голосом спросил у своего визави:

– Так, значит, у нас все-таки получилось?

– Получилось, Володя, – хмыкнул тот, – но совсем не то, что хотелось бы. Пока мы боролись против проклятого режима царя Николашки, наша партия была коллективом единомышленников, стремившихся к низвержению самодержавия. Но как только эта цель была достигнута, среди товарищей в ЦК началось брожение. Но еще сильнее эта биомасса забурлила после того, как большевики взяли власть. Сколько у нас членов ЦК, столько и мнений по поводу того, какую политику следует проводить в дальнейшем. Никакого коллектива единомышленников у тебя сейчас нет, а имеется самый настоящий серпентарий, в котором каждая гадюка тянет одеяло на себя. Правый уклон, левый уклон, рабочая оппозиция, сторонники Иудушки Троцкого, сторонники товарища Кобы, а кроме них, есть еще и разные приспособленцы, колеблющиеся в такт с генеральной линией партии. И даже внутри фракций по разным второстепенным вопросам нет единства. А бывает ведь и так, что для текущего момента этот вопрос только кажется второстепенным, а лет через пять-десять вдруг окажется, что через него решается, быть или не быть первому в мире и на ближайшие тридцать лет единственному государству рабочих и крестьян.

– Значит, именно так, и никак иначе... – вздохнул хозяин кабинета, – единственная на ближайшие тридцать лет. А мы тут надеемся на Мировую революцию по Марксу и Энгельсу, которая, как утверждает теория коммунистического движения, должна произойти именно в Европе...

– Маркс с Энгельсом, – сказал его гость, – щедро накидали нам не проверенных жизнью гипотез, которые выдали за коммунистическую теорию, и большинство из них при попытке применения на практике оказались насквозь ложными. Стратегически наша цель верна, ибо коммунизм есть высшая форма существования человеческого общества, а вот в тактике, пытаясь действовать в соответствии с непроверенной теорией, мы совершаем одну ошибку за другой. По опыту будущих миров получается, что революции в Европе возможны только буржуазные или же националистические, но это совсем не то «счастье», к которому стоит стремиться. Напротив, социалистическая революция в России, да еще в Китае – это вполне законо-

мерные явления, ибо только русских и китайцев имеет смысл агитировать за справедливость, а европейские народы все воспринимают с точки зрения выгоды или невыгоды. И это не единственная фундаментальная ошибка наших классиков, которые были непревзойденными экономистами, но ни черта не разбирались в человеческих мотивах к действию, а мы уже, в свою очередь, полагались на их суждения. Наивность в политике, Володя, хуже воровства, поэтому нам нужна всеобъемлющая социальная теория, а не то, что за нее выдает так называемый чистый марксизм. Мы непременно должны выяснить, что заставляет массы людей сниматься с места предыдущего жительство и отправляться за горизонт в поисках новых земель и лучшей жизни, принимать те или иные идеи или, вцепившись в землю предков, до последней капли крови сражаться за свои идеалы. Когда товарищ Серегин наткнулся на меня носом в эти вопросы, я был ошарашен не меньше, чем ты сейчас.

– Это из его библиотеки ты взял эту архилюбопытную книгу? – спросил вождь мирового пролетариата. – И твое появление здесь, как я понимаю, тоже не обошлось без участия этого человека. И вообще кто он такой, этот товарищ Серегин, что смог с легкостью сбить тебя с прежнего пути?

– Товарищ Серегин – это вещь в себе, – вздохнул Ильич из четырнадцатого года. – Володя, ты не поверишь, он одновременно настоящий – можно сказать, истинный – большевик, полностью разделяющий наши стратегические цели и задачи, и в то же время самовластный князь Великой Артании, полководец и паладин Доброго Боженьки, носящий титулы Защитника Земли Русской и Божьего Бича.

– Но так не бывает! – Хозяин кабинета в волнении вскочил со своего стула. – Самодержавный монарх, да еще и паладин Боженьки никак не может быть настоящим большевиком!

– Ох, и дикий ты еще, Володя! – вздохнул его гость. – Настоящим большевиком товарищ Серегин был всегда, а самовластным монархом стал в силу, так сказать, производственной необходимости, и исключительно по воле народа артан, который он спас от уничтожения злыми захватчиками, а потому тот призвал его себе в князья. Ну кто еще, как не настоящий большевик, мог сказать своим людям: «Я – это вы, а вы – это я, и я убью любого, кто скажет, что мы не равны друг другу, а потому вместе мы сила, перед которой не устоит ничто». Вот где истинный коллектив единомышленников, сознательно разделяющий цели и задачи своего предводителя на каждом этапе его боевого пути. Кроме того, товарищ Серегин не делит людей по национальным, религиозным и классовым сортам. Для него существуют только его «Верные», составляющие с ним одно целое, хорошие люди, нуждающиеся во вразумлении и защите от всяческих несчастий, а также разные негодяи, которых он, в силу полномочий Бича Божьего, вбивает в прах, чтобы не было их нигде и никак.

– И что же он хочет от нас, этот ваш товарищ Серегин? – с некоторым раздражением спросил председатель Советского правительства.

Его визави хмыкнул и ответил:

– Товарищ Серегин – защитник русской земли и русского народа, а еще немного сербов и болгар, но в данном случае это почти не играет роли, потому что сейчас речь идет о том, что творится на территории бывшей Российской империи. Твое правительство только усугубило хаос, учиненный в стране камарильей князя Львова и главноуправляющего меье Керенского, и это приводит его в ярость. Он совсем не против Советской власти, а даже, наоборот, но для него категорически неприемлемы предоставление самостоятельности национальным окраинам, разрушение в государстве всего и вся до основания, разжигание гражданской войны и повальные репрессии против представителей так называемых эксплуататорских классов. Судить этих людей можно, причем официальным открытым судом, только в том случае, если они совершали какие-нибудь преступления против народа при прежнем царском режиме. Подумай, Володя, ведь на кону твоя голова, а не моя.

– Голова? – с нескрываемым ужасом переспросил хозяин кабинета.

– Да, голова, – подтвердил его гость. – В случае проявления упрямства лучшее, что тебя ждет – это остаток жизни под пальмой на острове в доисторическом тропическом раю, в компании Наденьки или кого-нибудь еще женского пола. Товарищ Серегин убивает только на поле боя и казнит по суду лишь самых отъявленных мерзавцев, проливших реки крови. Но ты еще ничего не успел, только вошел во власть, что облегчит твою участь. И радуйся, что тобой не занялась товарищ Кобра, ведь этой особе, посвященной Хаосу, а не Порядку, как товарищ Серегин, смахнуть с плеч голову негодяю проще, чем выпить стакан воды. Чик – и труп. Сам наблюдал несколько часов назад, как она, не задумываясь, разделалась своим мечом с тремя люмпен-пролетариями, вздумавшими в подворотне, как у вас говорят, «экспроприировать» хорошо одетую барышню из бывших. Убить всех за пятнадцать секунд в четыре взмаха меча – это надо уметь. Но если ты пойдешь с ним на сотрудничество, то будет тебе вся возможная помощь и содействие в защите социалистического отечества и советской власти, а также идеальное здоровье, чтобы ты смог дожить до развитого социализма и потрогать его собственными руками. Тем более что и наступит он тогда раньше, а не к столетию нашего с тобой рождения...

Минут пять местный Ильич молчал, переваривая полученную информацию, потом спросил:

– А что происходит у вас там в четырнадцатом году? Об этом ты мне пока ничего еще не рассказал. Империалистическая война и все такое?

– У нас все замечательно, – хмыкнул его собеседник. – С империалистической войной товарищ Серегин управился всего за три месяца. Из состава Антанты и из войны Россия благополучно вышла уже к концу октября, при этом обложив Германию контрибуцией за беспокойство, а также обкорнав Австро-Венгрию на Галицию, Буковину и Словакию. Рука у Артанского князя, как я уже говорил, тяжелая, полномочия от самого Боженки безграничные, поэтому и воевали русские генералы как положено по науке, а не как похощет левая нога. При этом Бич Божий так запугал царя Николашку, что тот сделался послушный как паинька и теперь сам готов отречься от престола. Но ты, Володя, даже не представляешь, кто сменит его в карауле у трона...

– Не представляю и представлять не хочу! – отрезал хозяин кабинета. – Все Романовы мазаны одной и той же субстанцией, и это совсем не повидло.

– Как оказалось, далеко не все, – ответил ему Ильич из четырнадцатого года и хитро прищурился, в то время как другой Ильич смотрел на него сосредоточенно-хмуро. – Это Николаша – явление уникальное, а все прочие члены этого семейства, с коими я свел знакомство в Тридесятom царстве у господина Серегина, оказались людьми вполне приличными. При этом наследницу и соправительницу нынешнего царя великую княжну Ольгу Николаевну товарищ Серегин и товарищ Кобра полностью и без остатка распропагандировали в нашу большевистскую веру. И даже, более того, эта девица без ума втюрилась в товарища Кобу, назначила его себе в мужья, и теперь на престол они взойдут вдвоем, как императрица и ее князь-консорт. Как говорит сам товарищ Серегин, царизм и большевизм, смешанные в пропорции пятьдесят на пятьдесят, это явление уникальное. Такого еще никто не делал. Но за свой мир ты можешь не беспокоиться. Тут время Романовых ушло безвозвратно, и все усилия товарища Серегина будут нацелены на укрепление Советской власти – разумеется, в том ее изводе, что соответствует его представлениям о прекрасном.

– Ну хорошо, – буркнул председатель Совнаркома, – а теперь, будь добр, скажи, каковы эти представления, а то, быть может, я предпочту коротать свое век под пальмой, а не содействовать тому, что будет прямо противоречить моим убеждениям.

– Ой, Володя! – всплеснул руками его гость. – Уж мне-то мог бы не свистеть про свои убеждения, потому что я знаю, что ты с легкостью меняешь их при всякой перемене окружающей обстановки. О том же говорит полное собрание наших с тобой сочинений в пятъде-

сят восемь томов, которое я имел честь лицезреть в библиотеке товарища Серегина. Сколько было политических моментов, столько же там и мнений. Так что давай, быстренько меняй свои убеждения, в той части, в какой они не соответствуют убеждениям товарища Серегина, и вперед, к светлому будущему.

– Хорошо, – кивнул хозяин кабинета, немного успокоившись, – допустим, что так оно и есть. А теперь скажи, каковы принципы товарища Серегина и какими возможностями он располагает, помимо способности ходить между мирами как из комнаты в комнату?

– Возможности у товарища Серегина самые серьезные, – сказал его визави, – двести тысяч пешего войска, прекрасно мотивированного, обученного, вооруженного и экипированного, конный корпус в двенадцать тысяч всадников панцирной кавалерии, танковый полк из конца двадцатого века и космический линкор планетарного подавления из далекого-далекого будущего с боевыми летательными аппаратами на борту. Последнее – это такой кошмар, с которым ни одной державе твоего мира лучше не встречаться. В порошок сотрет... причем домишки бедняков, а также фабрики и заводы будут стоять целехонькими, а вот дворцы помещиков и капиталистов обратятся в пылающие руины. А обо всем прочем тебе лучше разговаривать с самим товарищем Серегиным и его прямой противоположностью товарищем Коброй, которые также являются членами Центрального Комитета нашей партии большевиков. И еще я хочу тебе сказать, что товарищ Серегин никогда не обещает того, что не может исполнить, и всегда выполняет то, что пообещал. Ну что, Володя, ты согласен принять у себя этих двоих и провести с ними предварительные переговоры о том, что надо сделать, чтобы укрепить Советскую власть и при этом полностью избежать Гражданской войны, ибо такой исход революционных событий для товарища Серегина абсолютно неприемлем? Он сам сказал, что любого, кто пойдет этим путем, ему не жалко – головы будет отрывать и на кол сажать недругнувшей рукой.

Дослушав до конца, председатель Совнаркома судорожно кивнул, и его гость, полуобернувшись куда-то в темноту за своей спиной, сказал:

– Заходите, товарищи. Товарищ Ленин согласен вступить с вами в переговоры о будущем сотрудничестве.

Тьма за его спиной колыхнулась, снова пахнуло миррой и ладаном, и оттуда в круг света вступили двое. От их вида по спине хозяина кабинета пробежал неприятный холодок. И дело было даже не в военной форме несколько непривычной расцветки (хотя и несомненно русского образца), и не в погонах штабс-капитана у мужчины и старшего унтера у женщины, хотя одетых таким образом людей Володя Ульянов не любил и боялся, ибо ассоциировались они у него с верными псами царского режима. Нет, эти двое представляли тут Силу, получившую свыше право карать и миловать любого, кто причинит вред их любимой России, о чем говорили зависшие над их головами нимбы: бело-голубой у мужчины и багровый у женщины, а также ощущение исходящей от них двоих воли и решимости. А за последние два месяца, с момента прихода к власти, навредил товарищ Ульянов-Ленин предостаточно. И если раньше у него имелась подспудная мысль позвать на помощь и прекратить это вторжение самым решительным образом, то теперь он ее полностью отверг, ибо это грозило катастрофическими последствиями, в первую очередь для него самого. При виде женщины у него даже появилось неприятное ощущение холода поперек шеи. Такая действительно срубит голову, даже глазом не моргнув. Поэтому он напустил на себя деловой вид и сказал:

– Здравствуйте, товарищи! Вас мне уже представили, да и вы меня прекрасно знаете, так что без лишних преамбул давайте приступим к делу. Я вас слушаю.

– Здравствуйте товарищ Ленин, – ответил Артанский князь. – В первую очередь я скажу, что Советская Россия должна быть диктатурой трудящихся, а не одного только пролетариата, сохранившись как единое и неделимое государство всеобщей справедливости, а русский великодержавный шовинизм необходимо не искоренять, а преобразовать в общесоветский патри-

отизм. Для нас неприемлемо предоставление окраинным народам права на самоопределение, так как созданные таким образом государства не будут иметь в своей основе ничего социалистического, а превратятся в этнократические диктатуры, люто враждебные первому в мире государству рабочих и крестьян. На просторах бывшей Российской империи только русский народ несет в себе качества, делающие его пригодными для будущего социалистического строительства. Никаких других вариантов для успешного решения этого вопроса не имеется, о чем говорит многотрудный и кровавый опыт двадцатого века.

– Но, товарищ Серегин, – забывшись, воскликнул председатель Совнаркома, – а как же Мировая революция, о неизбежности которой писал товарищ Маркс?

– Товарищ Маркс, – ответил Защитник Земли Русской, – понаписал много такого, что либо неисполнимо на практике, либо исполнимо, но прямо вредно для строящегося прямо сейчас социалистического государства. Воспринимайте Мировую Революцию как поэтапный процесс. Сейчас вы захватили стратегический плацдарм, и теперь вам требуется его укрепить и накопить силы для рывка в Европу примерно через четверть века, когда противоречия между империалистическими державами снова дойдут до точки кипения, что вызовет еще одну Мировую Войну за номером два. Минуя процессы разрушения всего и вся до основания, гражданской войны, красного и белого террора, вам следует перейти к социалистическому строительству, ликвидации безграмотности, электрификации и индустриализации всей территории бывшей Российской империи. И за это же время, равное жизни одного поколения, из разноязыкой и разноплеменной массы бывших подданных русского царя будет необходимо выковать новую историческую общность «советский народ», имеющую в основе русский этнокультурный код. Если у нас с вами все получится, то светлое будущее всего человечества станет неизбежным, как наступление рассвета после долгой ночи, а если мы не справимся с поставленной задачей, то созданное вами государство рабочих и крестьян просуществует весьма ограниченное время и рухнет из-за совершенных вами ошибок на начальных этапах партийного и государственного строительства, после чего мир окажется отброшен к порогу такого кошмара, о котором вам пока лучше не знать. Как у председателя Советского правительства и главного идеолога партии большевиков, у вас сейчас хватает и своих забот, помимо размышлений о сущности постмодернизма и концепции «конца истории». В силу этих соображений, а также имеющихся у меня полномочий, действовать в вашу поддержку я буду без ограничения в приложении сил и средств. Это я вам обещаю.

Хозяин кабинета думал недолго. Самое главное, неожиданный и весьма страшный гость не требовал ликвидации советской власти и реставрации монархии, а все остальное было не страшно. Придется, конечно, расстаться с некоторыми товарищами, для которых территория бывшей Российской империи – не ценный актив и стратегический плацдарм, требующий всемерного укрепления, а охапка хвороста для немедленного розжига Мировой революции. Но и прежде при перемене политического курса вождь мирового пролетариата без всякого сожаления избавлялся от былых соратников, утративших политическую актуальность, а потому ставших уже ненужными.

– Ну хорошо, товарищ Серегин, я согласен на ваше предложение сотрудничества, – сказал председатель Совнаркома. – Должен сказать, что сейчас для нас важнейшей из задач является скорейший, надежный и прочный мир с Центральными державами, ибо старая армия разложена до крайнего предела, а новой у нас еще нет, ибо значительное количество наших товарищей отстаивают концепцию вооруженного народа.

Арганский князь нахмурился и ответил:

– Вооруженный народ, не имеющий соответствующего уровня сознательной дисциплины, сразу же превратится в скопище больших и малых банд, ибо в каждом селе и городском квартале появится свой стихийный батька-атаман. Но этот вопрос мы будем решать на следующем этапе, а сейчас вы совершенно верно сказали, что Советской России немедленно необхо-

дим правильный мир с Германией и ее союзниками. Завтра утром я лично и оружно явлюсь в Брест и проведу там с представителями четырех держав переговоры с позиции силы в своей манере «Визит Каменного Гостя». Только для этой операции мне желателен мандат на русском и немецком языках, чтобы и противная сторона, и советская делегация понимали, что в этом деле я представляю не только самого себя да своего Патрона, коим является Творец Всего Сущего, но еще и председателя Совнаркома товарища Владимира Ульянова-Ленина.

Ни слова не говоря, хозяин кабинета взял со стола лист бумаги, макнул в чернильницу перо и начертал следующие слова:

«Податель сего, тов. Серегин Сергей Сергеевич, действует с моего ведома и по поручению и облечен всеми необходимыми полномочиями для ведения переговоров по заключению постоянного мира с Центральными державами. В.И. Ульянов-Ленин. 27.12.1917.». И ниже – то же самое по-немецки, с указанием даты по Григорианскому календарю.

Закончив писать, председатель Совнаркома присыпал бумагу песочком и, когда все лишние чернила впитались, передал готовый мандат Артанскому князю.

– Ну что же, – сказал тот, прочитав бумагу, – начало положено. Сейчас мы все уходим, так что, товарищ Ленин, желаю вам всего наилучшего. Все дальнейшие разговоры потом, после того как мы поможем вам заключить мир с Германией и другими державами. Не обещаю, что это будет особо быстро и легко, потому что покладистыми эти господа становятся только после того, как их собьют с ног и хорошенько отпинают сапогами по ребрам.

– Пинать разных негодяев по ребрам товарищ Серегин любит и умеет, – добавил Ильич из четырнадцатого года. – Так что, Володя, больше оптимизма. Все теперь у тебя будет хорошо. Пока-пока, до новых встреч. Ибо один товарищ Ленин – хорошо, а двое – еще лучше. Нам еще с тобой всеобщую теорию социальных последовательностей разрабатывать, да так, чтобы она безошибочно объясняла все явления от первобытнообщинного строя до развитого коммунизма. Без этого нам и в самом деле смерть, как в будущем скажет наш с тобой лучший ученик товарищ Коба.

И вот товарищ Ленин снова остался в своем кабинете один. Отодвинув в сторону все прежние бумаги, он раскрыл историю своей партии и погрузился в чтение, конспектируя наиболее интересные места.

10 января 1918 года (28 декабря 1917 года). 10:15. Брест-Литовск, Крепость, Белый дворец (он же бывшее офицерское казино).

Утро десятого января в Брест-Литовске началось как обычно. Делегации высоких договаривающихся сторон прибыли в зал заседаний к десяти часам, и туда же подтянулась делегация украинской Центральной Рады, у которой сегодня намечался дебют. Казалось, ничто не предвещало ничего особенного, но не успел никто еще даже раскрыть рот, как за стенами здания раздался странный свистящий звук и началась беспорядочная спорадическая винтовочная трескотня, в которую почти сразу вплелись звуки, похожие на то, будто кто-то часто-часто рвал басовую струну на гитаре.

Присутствующие, не исключая советскую делегацию, кинулись к окнам – и узрели фантазмагорическую картину. Низко над крышами казарм скользили будто облизанные толстобрюхие аппараты с малюсенькими крылышками, непонятно каким способом держащиеся в воздухе, а из маленьких башенок в их носовой части вырывались дымные с огоньком трассы (мелкокалиберные магнитоимпульсные пушки). И там, куда эти трассы прилетали, все живое и неживое разметывалось в прах. И таких аппаратов, устроивших над Брестской крепостью свою адскую карусель, было как бы ни два десятка. Любая попытка сопротивления – одиночный винтовочный выстрел или, не дай Бог, выставленный в окно пулемет – вызывала с их стороны самую яростную реакцию.

К обороне против внезапного нападения с воздуха штаб Восточного фронта германской армии не был подготовлен абсолютно, так что любители выскочить из казарм и пострелять по неожиданному явлению или открыть огонь, просто распахнув окно, закончились довольно быстро. Но еще до окончательного подавления сопротивления гарнизона в небе над крепостью появились три огромных клиновидных аппарата, каждый размером с дирижабли «цеппелин». Стремительно снизившись (боевое десантирование) они неожиданно мягко опустились на землю: два на плац, перед зданием инженерного управления, и еще один – позади Белого дворца на берег реки Мухавец.

И едва эти летающие устройства утвердились на земле, из распахнувшихся в широкой части корпуса десантных ворот густо побежали обвешанные оружием солдаты в зимней маскировочной форме никому не известного образца. На выпуклый глаз военных специалистов, которых на переговорах было вполне нормальное количество со всех сторон, каждый такой цеппелиноподобный аппарат высадил в крепости никак не менее полка, в то время как функционирование штаба Восточного фронта обеспечивало не более пары батальонов – в основном тыловики, служащие по хозяйственной части, и связисты. Возможность внезапного нападения в ста восьмидесяти километрах от линии фронта германским командованием просто не рассматривалась.

Тем временем одна группа высадившихся солдат неизвестной армии направилась к кольцевой казарме слева от Белого дворца, другие побежали к Трехарочным воротам, третьи бросились к зданию инженерного управления, где, собственно, и располагался штаб принца Леопольда Баварского. А совсем небольшая компания пришельцев, не более роты, одетая в несколько иную форму (беленые полушубки вместо фуфаек) направилась к Белому дворцу, где проходили переговоры. И в рядах этой команды шагал человек, державший в руке ярко сияющий обнаженный меч архангела Михаила. Операция «Каменный гость» приближалась к своей кульминации.

Тогда же и там же. Капитан Серегин Сергей Сергеевич, великий князь Артанский

На это дело меня сопровождают люди из разведбатальона капитана Коломийцева. Для них слова «Брестский мир» тоже не пустой звук, отчего они полны такой же ледяной ярости, как и я сам. Разъярен и архангел внутри меня, находящийся сейчас в состоянии полной alertности, так что призрачные нимб, крылья и корзно сияют ярким бело-голубым светом. Он чувствует впереди Большое Зло, а потому готов вершить суд и приводить приговор в исполнение. Впрочем, мои люди не обращают на это внимания, так как привыкли к подобным манифестациям. Рядом со мной, в ногу, шагает Кобра. Ее ярость горяча, как расплавленная лава вулкана, но Дочь Хаоса покоится в ножнах, ибо не стоит одновременно выпускать на свободу противоборствующие силы Мироздания, потому что в таком случае в этом месте не выживут даже тараканы. Впрочем, я чувствую, что и Темной Звезде тут тоже найдется на ком отвести свою огненную душу.

Большая двухстворчатая дверь в зал, где проходили переговоры, распахнулась как от пинка великана. Жалобно звякнул сломанный замок. Ну и пусть. Все должны знать, что бессмысленно пытаться запирается, когда Бич Божий идет вершить свой суд. Побелевшие лица, выпученные глаза, мервенно блестят стеклышки пенсне на мордах Троцкого и еще одного германского генерала...

«Генерал-майор Макс Гофман, – в ответ на немой вопрос шепчет мне энергооболочка, – начальник штаба Восточного фронта, неплохо владеет русским языком и вообще считается в Германии специалистом по «русскому вопросу». Здесь является куратором переговоров со стороны германского Генштаба и на корню рубит любую инициативу германских дипломатов пойти навстречу советской делегации. Месье Троцкий в своих воспоминаниях писал, что,

фигурально говоря, этот солдафон поставил свой сапог на стол переговоров. И в самом деле, это воинственный бабуин, русофоб и антикоммунист, не понимающий, что играет с огнем. В апреле восемнадцатого года он предлагал кайзеру разорвать Брестский мир и начать наступление вглубь России, дабы свергнуть большевиков и привести к власти прогерманское правительство, а уже после войны, в середине двадцатых годов, строил планы совместного вторжения на территорию СССР армий Германии, Франции и Великобритании. Но ни в том, ни в другом случае не преуспел, и помер накануне Великой Депрессии».

«Ну что же, посмотрим, как пойдут дела после того, как на столе переговоров встал уже мой солдатский сапог», – подумал я и сказал вслух на тевтонском варианте немецкого языка: – Господа, прошу всех вас не волноваться и оставаться на своих местах. Бегать от меня бессмысленно, и если кому из вас и суждено сегодня закончить свой земной путь, то лучше сделать это с достоинством, не оглашая окрестности истошными воплями и проклятиями.

Ответом мне была немая сцена, как будто Дима-Колдун поразил эту публику заклинанием стасиса. Но нет: представительный мужчина в штатском, с короткими «английскими» усами на внушающем доверие лице раньше других пришел в себя и, стараясь сохранять достоинство, с некоторой восточной цветистостью произнес, стараясь выбирать слова:

– О, могущественный незнакомец, мы видим, что вам подчиняются силы, невозможные для обычных людей, эти боевые летательные аппараты и вообще ваш внешний вид, напоминающий Божьего архангела, приводит всех нас в смущение... Поэтому не нужно нам грозить, а вместо того представьтесь, пожалуйста, по всем правилам и объявите о цели своего визита...

«Рихард фон Кюльман, – зататорила энергооболочка, – статс-секретарь, то есть министр, иностранных дел Германской империи. Глава немецкой делегации на этих переговорах. Сторонник заключения полноценного мира с Советской Россией, установления с ней равноправных торгово-экономических отношений и переноса всей тяжести войны на Западный фронт. Но все усилия этого человека разбивались о баранье упрямство и жадность германских генералов, которые в конце концов добились его отставки».

– Герр Кюльман, – ответил я, – меня зовут Серегин Сергей Сергеевич, мои должности – Специальный Исполнительный Агент Творца Всего Сущего, Адепт Порядка, Защитник Земли Русской и Бич Божий, мой ранг в небесной иерархии – младший архангел, а еще я ношу титул самовластного князя Великой Артании, и хоть мое титульное владение расположено в одном из миров конца шестого века христианской эры, оно так же реально, как и Германская империя, которой правит ваш любимый кайзер. Впрочем, сюда к вам я прибыл не как монарх, путешествующий инкогнито и с эскортом, а по служебной надобности. Господь Всемогущий поручил мне исправить неурядицы этого мира и направить его на истинный путь, и один из ключей к решению этой задачи находится именно здесь, в городе Брест-Литовске, на мирных переговорах между советской делегацией и представителями стран Четверного Союза. Вот, прочтите. Надеюсь, вам знаком почерк правителя Советской России господина Ульянова-Ленина?

С этими словами я извлек из нагрудного кармана мандат, выданный мне главой советского правительства, и развернул его так, чтобы собеседник мог прочесть его из моих рук. Рихард фон Кюльман не без колебаний подошел ко мне, склонив голову, внимательно изучил текст и, выпрямившись, громко сказал:

– Да, господа, так и есть, – подтвердил он, – это полноценный карт-бланш, выданный главой правительства Советов господину Серегину на ведение переговоров о заключении постоянного мира с Центральными Державами. Дата – вчерашняя. А предыдущая делегация, возглавляемая господином Троцким, как я понимаю, от переговоров отстраняется и превращается в сторонних наблюдателей.

– Я протестую! – покраснев, заорал Троцкий, поняв, что все прекрасное для него только что закончилось раз и навсегда.

– Кобра, – сквозь зубы сказал я по-русски, – вразуми этого человека, но только не насмерть. Товарищ Бергман в Башне Терпения ждет не дождется его для душевспасительной беседы.

Разминая пальцы рук, Кобра подошла к Демону Революции почти вплотную и неожиданно для всех с правой ноги от всей души пробила ему пенальти прямо в промежность. Лейба Бронштейн (ибо таково его истинное имя) с диким воем согнулся пополам и присел на корточки.

– Не удивляйтесь, господа, – вздохнул я. – Человек, призывающий к самому необузданному революционному насилию, не должен протестовать и возмущаться, когда насилие применяется в отношении него самого. Как сказал Христос: «Какою мерою мерите, такою отмерено будет вам». И касается это не одного господина Троцкого: среди вас есть и еще персонажи, по ком плачет хорошо намыленная веревка, потому что те измараны в крови невинных жертв от пят до самой макушки. Да-да, господин Мехмед Талаат-паша, не смотрите на меня круглыми выпученными глазами, как баран на мясника. Полтора миллиона убиенных армян, в том числе стариков, женщин и детей взывают к отмщению, и моих полномочий Специального Исполнительного Агента и младшего архангела достаточно для того, чтобы приговорить вас к смертной казни через повешение. Приговор окончательный, обжалованию не подлежит и будет приведен в исполнение немедленно. Dixi!

Я повернулся к капитану Коломийцеву и сказал:

– Герр гауптман, во дворе крепости я видел превосходную новую виселицу: приходя на чужую землю, германцы не мыслят своего существования без этого сооружения. Возьмите приговоренного, свяжите ему за спиной руки и сделайте с ним все, что положено в таком случае. Кстати, чтобы два раза не ходить, прихватите с собой делегацию Украинской Центральной Рады и присовокупите этих последователей Мазепы к Талаат-паше. Места на виселице как раз хватит для восьми оборотов. А будут сопротивляться, разрешаю пристрелить их прямо здесь как собак.

Тут же мои люди, сняв оружие с предохранителей, решительно направились в сторону приговоренных, и после небольшой суеты, а также мольб о помиловании взяли их под конвой и вывели вон. Оказать сопротивление попытался только Талаат-паша, который носил при себе небольшой пистолет, но Артемида (куда же без нее) разок шмальнула в него из «Федорова», первым же выстрелом разбив людоеду плечевой сустав, после чего рядовые бойцы завернули члену турецкого правящего триумvirата за спину здоровую руку и присоединили к умоляющим о пощаде хохлам. В аду их всех заждались, смола в котлах стынет.

– Господин Серегин, – обеспокоенно произнес Рихард фон Кюльман, когда Талаат-пашу и всех прочих смертников выволокли за дверь, – а не слишком ли это жестоко вешать гражданских людей, которые всего лишь выступали за независимость своей страны?

И больше никто из присутствующих не вступился за будущих покойников. Индифферентен остался даже генерал Гофман. Наверное, потому, что был впечатлен способом и скоростью расправы над вздумавшим вякать Троцким, и подозревал, что любой демарш с его стороны закончится примерно тем же образом.

– Нет, не слишком, герр Кюльман, – ответил я. – Украинский народ является частью великого русского народа, и любых уродов, посмеявших утверждать обратное, я буду бить смертным боем, чтобы не было их нигде и никак. И те деятели, что остались заседать в городе Киеве, тоже не избегнут той же злой участи – всех определю в братские могилы, ибо это диктуют мои обязанности Защитника Земли Русской. Кроме того, как уроженцу будущих времен за сто лет тому вперед, мне известно, что деятельность этих господ неизбежно выльется в жестокую гражданскую войну с многочисленными жертвами среди мирного населения. В первую очередь, для того, чтобы удержать свою призрачную власть, самоназначенцы из Центральной Рады призовут себе на помощь германские войска, тем самым превратившись в пособников ино-

странных оккупантов. И за это я тоже обязан карать по высшей ставке. Надеюсь, я достаточно внятно объяснил свою позицию по национальному вопросу и территориальной целостности Советской России, возникшей на территории бывшей Российской империи?

– А как же право наций на самоопределение, господин Серегин? – из рядов советской делегации вякнул вызывающий у меня подспудную антипатию широкомордый тип с черной клиновидной бородой.

«Иоффе Адольф Абрамович, – сообщила энергооболочка, – видный гусский геволюционер, второй сын симферопольского купца-миллионера, по-нашему олигарха, Абрама Яковлевича Иоффе, который являлся владельцем всех почтовых и транспортных средств в Крыму, имел собственный дом в Москве, звание потомственного почётного гражданина и считался любимым евреем министра Витте. В революционном движении коренной “межрайонец”, сиречь троцкист, с Лейбой Бронштейном сотрудничал с 1908 года и вместе с ним в 1917 году перешел к большевикам. Участник “левой оппозиции”. Но почетного звания “враг народа” не получил, поскольку помер до того, как Сталин окончательно запинал Троцкого из оппозиции в эмиграцию. Зато дочь от первого брака и вторая супруга чалились в лагерях по двадцать лет, а сына девятнадцатого года рождения в тридцать седьмом и вовсе оформили по первой категории».

Да уж, анамнез! Не зря этот тип не понравился мне с первого взгляда. И дело даже не в еврейском происхождении, а в том, что с Троцким хорошие люди сотрудничать не будут, как и с Березовским и с Коломойским. Такому прямая дорога сначала на допрос к Бригитте Бергман, а потом – коротать остаток дней на остров под пальму. Посылать такого в Аквилонию для перевоспитания просто бессмысленно, ибо по самой своей сути этот человек неисправим. Там ему просто отрубят голову, на чем дело и кончится. Но оформить господина Иоффе по первой категории могу и я сам. Или все же не могу? Вон Талаат-пашу, кровавого палача армянского народа, я отправил на виселицу не моргнув глазом, и с Троцким со временем будет то же самое, а поступить подобным образом с этим кадром мне кажется невместным. А все потому, что у меня нет сведений, что он был причастен к разжиганию Гражданской войны и организации массовых репрессий против русских людей. Для таких нужен какой-нибудь уединенный островок в середине океана, куда можно будет сваливать подобные человеческие отходы, в то время как члены их семей пойдут по аквилонскому Пути Искупления. Ну да ладно, потом разберусь, а сейчас надо отвечать – не столько этому закоренелому троцкисту, сколько всем прочим, напряженно ожидающим моих слов. Кстати, после того, как вывели хохляцкую делегацию и Талаат-пашу, а Демон Революции получил от Кобры ногой в пах и перестал грыздеть, мой архангел тоже немного успокоился. Теперь, когда меня не захлестывают волны ледяной ярости, я могу рассуждать и говорить спокойно.

– Это право отнюдь не абсолютно, – сказал я по-русски, а энергооболочка принялась давать синхронный немецкий перевод, – и должно быть сопряжено с возможностью самостоятельного существования и ответственного поведения. Например, если дать независимость Польше, то панам будет мало территорий бывшего русского Царства Польского и австрийского королевства Галиции и Лодомерии. Их загребущие руки потянутся на восток – к Гродненской и Волынской губерниям России, на север – к Восточной Пруссии и Данцигу, на запад – к германской Силезии. А если ничего не переменится, то через тридцать лет западная граница Польши пройдет по Одере и Нейсе. При этом к своим гражданам немецкой, белорусской и украинской национальности польские власти будут относиться с таким оскорбительным пренебрежением, что это очень быстро вызовет в искусственно организованной стране дикое межнациональное напряжение. Кроме того, имея ко всем своим соседям территориальные претензии, союзников Варшава будет искать во Франции, Великобритании и Североамериканских Соединенных Штатах. Если предоставить независимость хохлам, то будет то же самое, только претендовать власти в Киеве будут на Львов, Одессу, Крым, Донбасс, Кубань

и даже Белгород, а основным пострадавшим от их гонора окажется русский народ. На встрече с товарищем Лениным мы договорились, что в пределах границ бывшей Российской империи Советская Россия будет единым и неделимым государством, провозгласившим диктатуру всех трудящихся слоев населения, а не одного только пролетариата. Исключение можно сделать только для польских территорий, которые по итогам войны отойдут в зону влияния Германской империи. Наши немецкие партнеры по нынешним переговорам могут делать с этими землями что хотят, включать в территорию Рейха, или превращать их в подобие колонии, именуемой Генерал-губернаторством. Только им не стоит провозглашать независимость этой территории, потому что тогда они сами создадут себе проблемы...

– Но ЦК нашей партии никогда не утвердит такую ересь! – заорал забывшийся Адольф Иоффе.

– Члены вашего ЦК тоже смертны, и, более того, смертны внезапно, – снова разозлившись, ответил я. – Впрочем, большую часть вашей камарильи мне даже не придется убивать. Будет достаточно, если остаток своей жизни вы проведете на доисторическом тропическом острове посреди океана, голые и босые, с минимальным набором инструментов. Как я уже говорил, люди, провозгласившие необходимость неограниченного насилия, не должны обижаться и возмущаться, если такое же насилие применят в отношении их самих. И это еще гуманно. Лет через двадцать в Советской России таких, как вы, по тем же основаниям будут выводить в расход тысячами. Пятнадцать минут на рассмотрение дела «тройкой», а потом – пошел мордой к стенке. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

– А я аплодирую господину Серегину, – с заметным акцентом сказал человек кавказской внешности. – Едва увидев палача моего народа, он тут же не задумываясь отправил того на виселицу, несмотря на то, что называет себя защитником русского, а не армянского народа.

«Ваган Сукиасович Тер-Григорян, он же Ваан Терьян, – доложила энергооболочка, – армянский общественный деятель и поэт, можно сказать, крупнейшее явление в местной армянской литературе. Член партии большевиков, в состав советской делегации включен на правах консультанта по кавказскому вопросу. К сожалению, этот человек болен туберкулезом, и жить ему осталось не более двух лет».

– Товарищ Ваан Терьян, – ответил я, – уничтожения людоедов вроде этого Талаат-паши требует именно человеческая часть моей личности, и именно в силу этих качеств Всемогущий Господь сделал меня своим Специальным Исполнительным Агентом. А до должности Бича Божьего, Адепта Порядка и чина младшего архангела я дослужился уже потом, потому что защищал слабых и сирых, беспощадно истребляя злых. Впрочем, об этом говорить сейчас не место и не время. Трагедия армянского народа еще не окончена. Если такие как господин Троцкий и господин Иоффе преуспеют в своем начинании разрушить все и вся, то тогда Кавказский фронт рухнет, и озверевшие турки ворвутся уже в русскую Армению. И снова будут горе, слезы и смерти тех, кому еще жить и жить.

Что характерно, несмотря на немецкий перевод энергооболочки, турецкая делегация после этих слов скромно промолчала, не стала отрицать и оправдываться. А это само по себе признание вины. Зато Ваан Терьян удивленно спросил:

– Но как же турки смогут ворваться в Армению, если мы, то есть вы, заключите с ними мирный договор?

– Вы наивны, как и всякий настоящий поэт, – ответил я. – Если Кавказская армия прекратит свое существование, то и мирный договор с турками окажется бесполезен, потому что они его нарушат, как только посчитают это выгодным. Такие это люди. Удержать от подобного поведения их может только страх возмездия, и то не всегда. Бывают случаи, когда алчность и жажда кровопролития затмевают в них все разумное. Вылезет перед разгоряченной толпой какой-нибудь сумасшедший мулла или интеллигент-атеист (что, собственно, без разницы) и заорет: «Все зло от армян, греков, болгар, режь их!».

– А что вы, господин Серегин, скажете за еврейские погромы в Российской империи, Союз Михаила Архангела и все такое? – вякнул Троцкий, придя в себя после внушения Кобры.

– Мерзость это, Лейба Давидович, – ответил я, – и вызвана она конкуренцией еврейской и национальной буржуазии, подстрекавшей эти погромы, которые удивительным образом не затрагивали самую богатую часть вашего народа – купцов-миллионщиков, зерноторговцев, скотопромышленников и сахарозаводчиков. При этом ни вашему папеньке, ни папеньке господина Иоффе никакие погромы не помешали поделаться богатейшими людьми Российской империи. Впрочем, происходили эти погромы в основном на национальных окраинах, а власти худо-бедно пытались их пресечь. Но если бы у вас получилось предоставить этим территориям самостоятельность, как вы сегодня намеревались сделать в отношении Украины, то это явление вспыхнуло бы там с новой силой, и его жертвы исчислялись бы не десятками, а сотнями тысяч ваших соплеменников. Однако и это ничто по сравнению с двадцати миллионами жертв Гражданской войны, красного и белого террора, голода и всеобщей разрухи, которые я тут сейчас пытаюсь предотвратить. Но худшее для всего человечества заключается в том, что ваша бурная деятельность в Советской России совершенно затмила остальному миру социальные причины Октябрьской революции и создала впечатление, что в катастрофе, постигшей величайшую страну мира, виновно исключительно мировое еврейство, в бурном экстазе слившееся с мировым большевизмом. Господин Иоффе даже не подозревает, как омерзительно звучит его имя для уха всякого нормального человека будущих времен. Бегаёт сейчас по Западному фронту империалистической войны контуженный и травленный газами урожденный австриец ефрейтор Адольф Гитлер, по гражданской профессии непризнанный художник. Сейчас он никто и ничто, но через пятнадцать лет этот человек придет к власти в потерпевшей поражение и униженной Германии, провозгласив себя фюрером немецкого народа. Возглавляемая им национал-социалистическая партия объявит своей целью полное уничтожение всех евреев сначала в Германии, а потом и во всем мире, а вместе с ними и других расово неполноценных народов, не относящихся к нордической расе. В результате случится еще одна мировая война, чьи жертвы затмят количество погибших во всех предшествующих военных конфликтах человечества. Немецких евреев и гражданское население временно оккупированных стран германские фашисты будут убивать в промышленных масштабах на настоящих фабриках смерти, а тела жертв станут использовать в хозяйственных целях. И прекратить все это безобразие сможет только русский солдат. Оправившись от поражений начально периода войны, вызванных внезапностью вражеского нападения, в тяжелейших сражениях он сломает германскую военную машину, ворвется в разрушенный дотла Берлин и ликвидирует государство современных технизированных варваров-людоедов. И виновны в этой трагедии будете вы, господин Бронштейн, а также ваши единомышленники, которые решили, что раз уж революционная волна вынесла вас на самый верх, то следует превратить Россию в некое подобие древнего Хазарского каганата. Теперь, когда вас поведут на эшафот или отправят в пожизненную ссылку (но это вряд ли, уж очень вы с Яковом Свердловым грешны), постарайтесь принять эту участь с достоинством, ибо заслужили ее в полной мере.

Месье Троцкий хотел было заорать страшным голосом, и уже раскрыл для этого пасть, но Кобра щелкнула пальцами, и у Демона Революции вдруг выключился звук. Рот открывается – и тишина: ну чисто вытащенная из воды рыба-чёрт.

– Вот так, Лейба Давидович, – сказала наша огненная истребительница драконов, – Батя сказал на плаху, значит, пойдешь на плаху как миленький! И орать тут бесполезно. Разговаривать и договариваться с вашей публикой никто не собирается, ибо не пристекает от вас ничего полезного, а одно лишь зло.

И в этот же момент каким-то шестым чувством, я ощутил толчок, вроде того, что бывает, когда железнодорожный вагон проходит по стрелкам. В силу того, что мы уже успели тут натворить, включая переговоры с Ильичом, этот мир, преодолев инерцию, покинул Основную

Последовательность и обрел самостоятельное существование. Портал в мир Содома открылся легко и просто, и сразу же бойцы капитана Коломийцева начали заталкивать туда членов советской делегации, оставив на месте только товарища Ваан Терьяна, контр-адмирала Альфатера и генерал-майора Самойло. И все. Остальные либо с гнильцой, либо вообще прогнали насквозь.

И на это же действие с ужасом смотрели члены германской, австрийской, болгарской и турецкой делегации. Одно дело – высадка десанта с футуристически выглядящих летательных аппаратов: зрелище фантастическое, и в то же время не отклоняющееся от низменного материализма, и совсем другая история – распахнувшийся портал между мирами. Тут зима, из серых туч падает редкий снежок, а там, по другую сторону проема – знойная страна, загадочный город в дальневосточном стиле и мои остроухие голорукие и голоногие воительницы в форме одежды «тропическое мини», подхватывающие подследственных и волокущие их в Башню Терпения.

– Господин Серегин, а что это такое было? – ошарашенно произнес Рихард фон Кюльман, когда портал закрылся.

– Это межмировой портал, господин статс-секретарь по иностранным делам, одна нога здесь, а другая уже там, – ответил я. – Таким образом, я и мои люди перемещаемся между различными мирами. То, что вы сейчас видели, это Тридесатое царство, наша главная база и штаб-квартира, мир, зарытый глубоко в толще минувших времен. Но это все лирика, а после того, как лишние люди оказались удалены прочь, нам пора переходить к конкретике переговоров о мире.

– Судя по тому, с какой помпой вы тут появились, господин Серегин, – скептически хмыкнув, сказал высокий худой человек в штатском с удивительно светлыми глазами, – ваше предложение может показаться нам неприемлемым.

«Граф Оттокар Чернин фон унд цу Худениц, министр иностранных дел Австро-Венгерской империи, – доложила энергооболочка. – Потомственный аристократ богемско-немецкого происхождения, кадровый дипломат и фанатичный поклонник австрийского абсолютизма, в прошлом один из протеже твоего приятеля Франца Фердинанда. Назначен на должность императором Карлом Первым после его восхождения на престолы Австрии, Венгрии, Чехии и Хорватии. В настоящий момент основной заботой этого человека является такой дурацкий предмет, как сохранение целостности империи Габсбургов, для чего он желает скорейшего выхода Австро-Венгрии из войны даже в ущерб отношениям с Германией».

– Неприемлемым мое предложение, герр Чернин, может только показаться, а на самом деле все совсем не так, – ответил я. – Надежный мир необходим не только Советской России, но и Германской империи, главная задача которой – не проиграть войну Антанте...

– Что вы имеете в виду, господин Серегин, когда говорите, что нашей целью должна быть не победа, а всего лишь ничья? – заносчиво вскинув голову, спросил Генерал Гофман. – Германская армия могуча и непременно одолеет всех врагов.

– После присоединения к Антанте Североамериканских Соединенных Штатов у вас не осталось ни одного шанса на победу, ибо расклад сил совсем не в вашу пользу, – отрезал я. – Германии нечем парировать свежие американские дивизии, которые в данный момент одна за другой прибывают из-за океана. Кроме того, американские банкиры щедро финансируют военные расходы своих союзников, а американские заводы изготавливают огромное количество оружия, боеприпасов и снаряжения. Пройдет не более полугода, и соотношение сил на Западном фронте составит шесть с половиной миллионов солдат у Антанты, из которых два миллиона будут американцами, против трех с половиной миллионов немцев. При этом в артиллерии противник будет превосходить вас в три раза, в авиации – в десять раз, в танках – раз в двадцать или даже в тридцать. Сейчас я просто не могу вспомнить, сколько сотен или даже тысяч стальных коробок успеют выпустить к концу войны французские, британские и амери-

канские заводы, при том, что у вас танкеркамфвагены – это штучные изделия. При равных потерях с обеих сторон соотношение сил для вас будет становиться только хуже. Это вам не с русскими дивизиями воевать, хронически недовооруженными даже обыкновенными винтовками и испытывающими дефицит всего и вся – от артиллерийских орудий до снарядов, патронов и медикаментов. На Западном фронте вас будут давить промышленной мощью как бык черепаху, и это при том, что ваши собственные заводы испытывают нехватку сырья, а население банально голодает.

– Вот собачье дерьмо! – воскликнул бравый генерал, разом позабывший о своем былом апломбе. – И как же в таких условиях мы сможем хотя бы свести войну вничью?

– Есть такой рецепт, – уклончиво сказал я, – и почетный мир, по которому к территории Германской империи отойдут лишь польские территории, является его частью. Вторым компонентом успеха может стать разработанный господином Кюльманом план «Микст», за исключением германского контроля над русскими железными дорогами. Причина недееспособности транспортных магистралей – не техническая, а организационная, и этой задачей я займусь сразу, как только будет решен вопрос с мирным договором. Чисто военные аспекты своего плана я начну излагать вам не раньше, чем полностью будет прекращена вражда между Германской империей и немецкие войска в полном составе сядут в эшелоны и направятся на Западный фронт.

– А почему вы говорите только о Германии и совсем не упоминаете Австро-Венгрию? – с обидой спросил Оттокар фон Чернин.

– А потому что вы, дорогой граф, представляете здесь государство, которое непременно распадется по итогам войны, вне зависимости от исхода борьбы на Западном фронте, – ответил я. – Нитки, соединявшие ваше лоскутное одеяло, истерлись и истлели в прах, поэтому, едва отгремят пушки, последует парад суверенитетов. Первой австро-венгерскую унию разорвет Будапешт – и не грохотом выстрелов вооруженного восстания, а тихим шелестом парламентской резолюции. Следующим, уже от Большой Венгрии, отвалится Аграм, устремившись на соединение с Сербией, и последней унию с Австрией расторгнет Прага, после чего немецкие депутаты рейхсрата Цислейтании примут резолюцию о низвержении императора Карла и присоединении к Германской империи. Вы и глазом моргнуть не успеете, как все будет кончено, потому что немцы хотят жить в Германии, чехи в Чехии, венгры в Венгрии, а хорваты в Хорватии или, на худой конец, в Югославии.

– Ну что же, господин Серегин, программа у вас весьма интересная, – сказал Рихард фон Кюльман. – Но только я боюсь, что наш любимый кайзер, а также окружающие его генералы на нее не согласятся. Им хочется всего сразу и даром, а потому они и слышать не захотят о таких условиях мира.

– Ну что же, тогда мне придется убедить вашего любимого кайзера не валять дурака, – сказал я, улыбнувшись как можно более зловеще. – Ведь внезапно смертными могут оказаться не только члены большевистского Центрального Комитета, но и некоторые ваши генералы. Времени у меня для решения вашей проблемы немного, так что, убеждая вашего кайзера принять мой план, действовать мне придется значительно жестче, чем сегодня. Не жалко мне в этом мире никого и ничего, за исключением русского, сербского, болгарского и немного немецкого народа, ибо немцы-тевтоны, что находятся у меня на службе, желают родине своих предков счастья и процветания, а я всегда прислушиваюсь к мнению своих людей. Давайте сделаем так. На время проведения переговоров с позиции силы я занимаю территорию Брест-Литовской крепости под свою временную штаб-квартиру и сразу предупреждаю, что любые попытки переброски войск в этом направлении приведут к ударам возмездия, после которых люди, отдавшие такие приказы, просто прекратят свое существование. Далее, пока дипломаты будут телеграфировать в свои столицы мои условия мира и получать закономерные отказы, я соберу военных специалистов со всех делегаций и поручу товарищу Кобре показать им места

дислокации моих сил. Должны же вы знать, что сегодня я применил только ничтожно малую часть своих возможностей. Ну а потом, когда эти предварительные действия будут выполнены, я начну принуждать вашего кайзера к самому правильному поведению. Уж поверьте, это я умею.

– Но все же, господин Серегин, скажите, зачем вам стремиться к тому, чтобы Германия хотя бы свела войну на Западном фронте вничью? – спросил статс-секретарь иностранных дел.

– Нам Антанта тоже не друг, и не союзник, а лютей враг, – сказал я. – Одно дело, если вы заставите англичан, французов и американцев бросить карты, и совсем другое, если потерпите поражение, а у противника при этом останутся нерастроченные людские ресурсы и некоторый запас сил для продолжения боевых действий. Интервенция в Советскую Россию с их стороны в таком случае становится неизбежной, а лично мне этого не надо. Кроме того, если Германия проиграет, то там сразу начнутся народные бунты, ваш кайзер отречется от престола и сбежит в Голландию, из всех щелей повывлезают местные подобия господина Троцкого, что приведет к таким негативным последствиям, о которых вам сейчас лучше не знать. Одним словом, революция в Германии тоже не в моих интересах, так как ничего хорошего из этого не получится. К социализму немцы, как и другие европейские народы, приспособлены не больше, чем медведь к игре на гитаре. Монархия с лицом человеколюбивого кайзера Вильгельма подходит вам гораздо больше. Надеюсь, господа, я достаточно внятно объяснил свою позицию?

– Так, значит, вы считаете, что большевики в России – это надолго? – спросил граф Чернин.

– Большевики в России – это навсегда, и не надо этого пугаться, – ответил я. – В ближайшее время эта власть изменится, и очень значительно, так как я уже начал выбивать из господина Ульянова-Ленина всю ту дурь, которой он набрался у Маркса и Энгельса. И еще немного информации к размышлению. Месье Троцкий, которого я нейтрализовал у вас на глазах, не только являлся одним из лидеров большевистской партии, но и представлял в ней американских банкиров еврейского происхождения Шиффов, Кунов и Леебов. Господин Свердлов, о котором вы тоже, наверное, слышали, связан с французскими Ротшильдами. Есть в руководстве большевистской партии и проводники британского влияния. Все те личности, которые сейчас громко кричат о революционной войне с Германией, на самом деле стараются в интересах Антанты. Могу вам обещать, что со всей этой публикой будет то же самое, что и с господином Троцким. Они исчезнут из этого мира, и вы о них больше не услышите, а возглавлять Советскую Россию будут люди, руководствующиеся исключительно интересами великого русского народа.

– Мы бы хотели, что большевистское правительство России прекратило разлагающую агитацию и пропаганду, нацеленную на германские войска, – буркнул генерал Гофман. – Пусть они прекратят призывать к свержению и убийству нашего любимого кайзера, а иначе никакое соглашение между нами не может быть возможно.

– Пункт о взаимном невмешательстве во внутренние дела будет включен в мирный договор, – ответил я, – и все, кто пожелает его нарушить, вылетят во тьму внешнюю. Я за этим прослежу. Господин Троцкий и ему подобные убеждали нынешнего советского вождя в неизбежности скорого наступления Мировой революции, но я уже объяснил господину Ульянову-Ленину, что эти надежды тщетны. Советская Россия должна заниматься своими собственными делами, которых у нее накопилось больше чем достаточно, и не лезть с поучениями к соседям. Лет через двадцать жизнь сама покажет, чья система была более успешна, и вот тогда можно будет вернуться к этому вопросу снова.

– А если мы не будем подписывать с вами никакого соглашения, а просто попытаемся ликвидировать большевизм как явление? – надувшись будто индюк, заявил генерал Гофман.

– В таком случае, мой дорогой Макс, готовьтесь к земле, – усмехнулся я. – Дубина у меня в руках тяжелая, полномочия неограниченные, и никого мне не будет жалко, кроме несчастных

народов, страдающих под властью откровенных придурков. Бить я в таком случае буду прямо по головам власть имущих, стараясь не задевать простолюдинов. Мировая Революция в Европе возможна только в том случае, если кто-то разнесет там все вдребезги, а потом поставит на развалины свой подкованный сапог красной кожи, объясняя местному населению, как жить и во что верить. Если вы будете вести себя безответственно, то я, так уж и быть, возьму на себя этот труд. Только в таком случае не обижайтесь, ибо пощады не будет никому из виновных. Не хотите по-хорошему, будет вам по-плохому.

Видимо, по ходу объяснения «политики партии» из меня опять в полный рост вылез архангел, потому члены делегаций уставились на меня с откровенным страхом.

– Герр Гофман, – сухо произнес статс-секретарь Кюльман, – вместо того, чтобы делать безответственные заявления, вы бы лучше приготовились отправиться вместе с человеком господина Серегина проинспектировать его наличные войска. Очень глупо задирать силу, пределов могущества которой мы себе пока не представляем. К тому же, насколько я понимаю, действовать эти войска будут не на фронте, как обычные армии, а прямо в нашем глубоком тылу. Штаб Восточного фронта был захвачен ими в течение четверти часа, и то же самое может случиться с королевским дворцом Сан-Суси в Потсдаме или любым другим местом.

– Вы все правильно понимаете, герр Кюльман, – сказал я, – а потому пора прекращать пустые разговоры и заняться делом. Военные пусть обнюхивают дубину, которой их будут гвоздить в случае неправильного поведения, а вы, как статс-секретарь Германской империи, должны составить два документа для вашего любимого кайзера. Во-первых, краткую телеграмму, которую можно будет отправить обычным путем, во-вторых, подробный отчет, который я сегодня ночью положу прямо на письменный стол Вильгельма Фридриховича. Но перед тем, как вы займетесь составлением последнего документа, мы с вами возьмем с собой графа Чернина и сходим в Петроград к господину Ульянову-Ленину, чтобы вы могли припасть к первоисточнику и напрямую утрясти черновик мирного договора с вождем советского государства. Безопасность и неприкосновенность вам обоим при этом я гарантирую.

– И что, это так просто? – усомнился граф Чернин. – Раз – и у господина Ульянова-Ленина?

– Да, это так просто, – сказал я. – Раз – и там. Дальнейшее будет зависеть уже от вас.

– Э-э, господин Серегин, – из рядов болгарской делегации на вполне понятном русском языке сказал господин в штатском, смахивающий на отставного военного, – вы назвали себя, в числе прочего, защитником болгарского народа, но о Болгарии сегодня вами не было сказано ни слова.

«Христо Георгиев Попов, – прокомментировала энергооболочка, – экс-министр болгарского правительства и подполковник болгарской армии в отставке. Не у дел с шестнадцатого года. Ветеран русско-турецкой войны 1877-78 годов, в числе первых выпускников окончил военное училище в Софии, а затем и Николаевскую военную академию в Санкт-Петербурге. Участник сербо-болгарской войны 1885 года и подавления бунта пророссийски настроенных офицеров, свергнувших князя Александра Баттенберга. На эти переговоры направлен по принципу “возьми, о Боже, что нам негоже”, ибо непосредственно с русскими войсками болгарская армия нигде не соприкасается».

– Господин Попов, – назидательным тоном произнес я, – болгарский народ и правящая сейчас им камарилья царя Фердинанда – это совсем не одно и то же. Развязывание двух братоубийственных сербо-болгарских войн – это тягчайшее преступление, которое я, как Специальный Исполнительный Агент Творца Всего Сущего и защитник русских, сербов и болгар, не могу оставить без самого сурового наказания. И не надейтесь на союз с Германией. Кайзер Вильгельм – человек здравомыслящий, поэтому после небольшого вразумления он сделает так, как я хочу, а вашему царю пришло время молиться и каяться, ибо конец его близок. Впрочем, я совсем не против того, чтобы Болгария сохранила за собой обе Добруджи, Южную и Север-

ную, а также Македонию, но только там, где жители считают себя болгарами, а не сербами. Поэтому если Фердинанд передаст престол своему сыну Борису, к которому у меня нет никаких претензий, а сам сбежит в Кобург, то я не буду за ним гоняться. Пусть живет. Устроит вас такой ответ?

– Такой ответ меня вполне устраивает, тем более что вы не намереваетесь менять династию, – ответил глава болгарской делегации, опустив глаза. – Цари приходят и уходят, а Болгария остается. Если царь Фердинанд не захочет добровольно покидать трон, то наше Национальное собрание может само его абдикировать и выслать в Кобург, провозгласив новым царем Бориса Третьего.

– А как вы намерены поступить с Османской империей, господин Серегин? – по-немецки спросил толстый мужчина в форме турецкого генерала. – Ваш приговор, вынесенный главе нашей делегации, и его мгновенное исполнение наводят меня на мысль, что с нами вы намерены воевать на полное истребление.

«Генерал Ахмед Иззет-паша, – прокомментировала энергооболочка, – экс-начальник генштаба, в четырнадцатом году бывший противником вступления Турции в Мировую войну, экс-командующий второй армией и возможный будущий великий визирь Оттоманской Порты. Не замешан ни в каких зверствах и мерзостях. К людям, подобным покойному Мехмед Талаат-паше, относится со здоровой брезгливостью».

– К вашей Османской империи, – сказал я, – у меня не предложение о мире, а ультиматум. Сначала умрут непосредственные виновники геноцида армян Энвер-паша и Джемаль-паша, а потом я поставлю вас перед выбором. Или вы заключаете мирный договор с Советской Россией на моих условиях, после чего направляете войска с Кавказа на Месопотамский и Палестинский фронты, или я своими силами провожу Константинопольскую десантную операцию и затем провозглашаю зону Черноморских Проливов своим личным эксклавом. И точно так же я поступлю в том случае, если вы вздумаете капитулировать перед Антантой. Доступ британского и французского флота в Черное море должен быть исключен. Но в Стамбул сейчас всего этого сообщать пока не надо. Время для этого еще не наступило. Сначала вы вместе с остальными военными специалистами совершите вояж по моим владениям, поймете, что я не блефую, и только потом сможете принимать решение, что сообщать и кому.

– Хорошо, господин Серегин, – ответил Ахмед Иззет-паша, – я принимаю ваш план.

Последним, кого мне пришлось уговаривать как девицу на выданье, был товарищ Ваан Терьян. Ну никак человек не хотел отправляться в Тридесатое царство для медицинского обследования и лечения от чахотки. Пришлось пригрозить, что после визита к товарищу Ленину я привезу ему письменное распоряжение главы советского государства пройти полный курс лечения, и только тогда тот согласился.

Рихард фон Кюльман потом спросил, стоил ли этот человек таких тщательных уговоров, на что я ответил:

– Хороших дипломатов вроде вас, господин фон Кюльман, достаточно много, и дело может сделать не один, так другой. Зато каждый поэт уникален, и относиться к нему следует с величайшей бережливостью, тем более что для моих медиков чахотка не проблема. Вылечат на раз-два, и будет господин Ваан Терьян как новенький.

Семьсот восемьдесят третий день в мире Содома. Заброшенный город в Высоком Лесу, Башня Силы.

Капитан Серегин Сергей Сергеевич, великий князь Артанский

В гости к товарищу Ленину мы с господами дипломатами пошли через мой кабинет в Тридесатом царстве. Нужно же было показать, что мое главное владение – не декорация и не партизанский отряд под елкой, а вполне солидное место. И это полностью удалось. Строгие

интерьеры штаба, обстановка служебного кабинета, приспособленного к совещаниям с большим количеством людей – все это убедило моих партнеров, что все более чем серьезно.

– Вот здесь мы, в случае необходимости, без лишней помпы, не оповещая об этом общественность, сможем организовать встречу на высшем уровне, – сказал я. – Проблема только в том, что для императора Карла заключение мира будет означать прощание с властью. Это так же однозначно, как и то, что вода мокрая, а огонь обжигает.

– И что, – спросил граф Чернин, – этого никак нельзя избежать?

– Никак! – ответил я. – Во всех известных мне мирах после смерти императора Франца-Иосифа Австро-Венгерская империя необратимо распадалась естественным путем, безотносительно к тому, кто наследовал старику – Франц Фердинанд или Карл. Власть может быть властью только в том случае, если нижестоящие – элиты и народ – подчиняются ей добровольно. Если добровольности нет, то либо наступает тирания, если у властителя есть вооруженная сила для принуждения, либо наступает распад, если такой силы нет. Главный деструктивный элемент в системе – это венгры, точнее, их элиты, которые ни под каким соусом не желают оставаться в составе вашей Империи. А вслед за ними прочь побегут и все остальные.

– А почему вы об этом заговорили? – спросил Рихард фон Кюльман.

– Когда я закончу тут со всеми делами и получу следующее задание от своего Патрона, то этот мир должен быть полностью стабилен, – ответил я. – Но какая может быть стабильность после распада Австро-Венгерской империи и выделения из нее нескольких новообразованных государств? Сразу во власть полезут люди, которые будут заявлять, что прежние внутриимперские границы были прочерчены неправильно, и опираться они будут, как и в случае с Польшей, на Францию, Великобританию и САСШ. Право наций на самоопределение во всей его красе. Суетится сейчас на территории бывшей Российской империи такой персонаж, как профессор Ян Масарик из Праги. Он сколотил из военнопленных чешской и словацкой национальности, желающих повоевать за освобождение своей земли от австро-венгерского ига, аж две дивизии, причем находятся эти части под французским, а не русским командованием. В масштабах мировой войны это ничто, а вот как основа для установления личной власти в новорожденной стране – очень серьезно. При этом в Венгрии, где социальная пружина взведена до упора, может случиться повторение Октябрьских событий в России, а хорваты, ополоумевшие от счастья независимого существования, кинутся в объятия к Белграду. А там тоже сидят далеко не ангелы, а, скорее, кровожадные придурки, желающие превратить маленькое Сербское королевство в великую Югославянскую империю на Балканах.

– Но вы же назвали себя, в числе прочего, защитником сербов, и вдруг прямо называете сербских политиков кровожадными придурками? – удивился граф Чернин.

– Сербский народ, страдающий и разделенный – это совсем не то же самое, что белградские беспочвенные мечтатели, – парировал я. – Народ я буду защищать, а умствующих интеллигентов, не понимающих, где граница между возможным и невозможным, стану колотить палкой по голове. Иначе дело закончится плохо.

– Но народ – это же быдло, не способное ни к чему, кроме тяжелого физического труда, – отмахнулся австрийский министр иностранных дел.

– Те, что так думают, – разозлился я, – должны готовиться к повторению октябрьских событий в России. Народ – это почва, которая только кажется грязью, но на самом деле только на ней произрастают цветы и плоды, а если она вдруг исчезнет, то вы полетите в бездну – туда, где только вечный мрак и скрежет зубовой. Впрочем, сейчас не время читать вам нотации, просто запомните, что остановить распад бывшей Российской империи я могу, ибо вся ее территория, где слабее, где сильнее, пронизана ощущением национального единства, а вот в вашем государстве такого ощущения нет, и каждая нация сама за себя. Будь у вас на престоле харизматичный монарх, это стремление с моей помощью еще можно было бы спустить на тор-

мозах, но, насколько мне известно, последний из Габсбургов в критической ситуации сложит лапки и поплывет по течению.

– Вы считаете, что сразу после завершения войны с Антантой нас ждет еще одна война, только на этот раз между частями Австро-Венгрии? – спросил Рихард фон Кюльман.

– Этого исключать нельзя, как и того, что Венгрии все же полыхнет социальный протест, который выльется в революцию по советскому типу, – ответил я. – Сейчас наша с вами цель – подписать трехсторонний мирный договор, устраивающий все стороны, и мы это делаем. Но что произойдет после того, когда одна из стран, подписавших этот документ, даже не сменит форму правления, а попросту прекратит свое существование?

– Кажется, я вас понял, господин Серегин, и должен признать, что ваши опасения небезосновательны, – сказал статс-секретарь германского МИДа. – Но насколько я понимаю, у вас по этому вопросу уже имеется какой-то свой план.

– Скорее, это не план, а предварительные соображения, – хмыкнул я. – Во-первых, главными подписантами мирного договора должны стать Советская Россия и Германская империя, а все остальные члены Четверного союза могут присоединиться к нему через подписание дополнительных протоколов, в силу чего их исчезновение с политической карты мира не аннулирует все соглашение в целом. Во-вторых, еще один дополнительный протокол, на этот раз секретный, поделит территорию Австро-Венгрии на зоны ответственности России и Германии с того момента, как Будапешт разорвет австро-венгерскую унию, не раньше и не позже. Если мы этого не сделаем, то на территорию разрушившегося государства Габсбургов неизбежно влезет Антанта, а если распада Австро-Венгрии не случится, то это документ останется ничего не значащей бумажкой.

– Вы считаете, что Германия сама не справится с задачей наведения порядка на этой территории? – с некоторым недовольством спросил Рихард фон Кюльман.

– После окончания тяжелой войны на истощение ресурсы у вас будут весьма ограниченными, – ответил я. – Да и зачем вам нищие Словакия и Трансильвания и до крайности обнищавшая Венгрия? Далеко и невкусно. Жирные куски в виде изрядно онемеченной Богемии и чисто немецкой Австрии, непосредственно примыкающие к вашей территории, это совсем другое дело. И милейшего графа Чернина тогда никто не погонит палками из родного дома...

– Ну что же, господин Серегин, – кивнул статс-секретарь германского МИДа, – в этом есть рациональное зерно. Но что вы предлагаете сделать с Хорватией?

– В случае присоединения к Сербии, освобождаясь от этого альянса, Хорватия будет готова показать миру пример самого бесчеловечного зверства, – сказал я. – И в то же время там не примут ни русской, ни немецкой власти. Единственное, что приходит мне в голову, это отрезать все территории, населенные сербами, а потом дать хорватам короля – такого же доброго католика, как они сами, и в то же время вменяемого человека, который не станет лепить из этой нации пуп земли.

– Мне очень горько слышать, как тут делят территорию государства, которому я служил всю свою жизнь, – вздохнул граф Чернин. – И в то же время я уже понял, что иного пути нет. Если делить нас доведется Антанте, то, мстя за все, она натворит такого, что все взвоют от ужаса.

– Ну что же, – сказал я, – если мы достигли предварительной договоренности между собой, то можно отправляться к господину Ульянову-Ленину и заканчивать работу над проектом мирного соглашения. И имейте в виду, господа, что Советская Россия – это не временное сиюминутное явление, а неизбежная реальность, данная вам в ощущениях, наглядный пример того, что бывает, когда к народу относятся как к бессловесному стаду. Ответственное поведение должно иметь место не только во внешней политике, но и внутри своей страны, а над этим вам еще работать и работать.

10 января 1918 года (28 декабря 1917 года). Около полудня. Петроград, Смольный, кабинет В.И. Ленина.

Капитан Серегин Сергей Сергеевич, великий князь Артанский

Когда я раскрыл просмотровое окно в кабинет советского вождя, то обнаружил там пребезобразную сцену. Скандалили товарищ Коба и товарищ Свердлов, а товарищ Ленин был индифферентен и обтекал. И темой разногласий, вызвавших этот гай-гуй, был отнюдь не Брестский мир, ибо у местного Ильича по поводу наших договоренностей вода в попе держалась: сначала готовый результат, а потом – оповещение о нем товарищей по партии. Нет. Наезд на будущего Отца Народов был вызван телеграммой: «Перестаньте играть в государство», которую тот отправил участникам Харьковского съезда Советов, учредившим Украинскую Советскую Республику. Харьковские пингвины (те же самые самостийщики, только в красной революционной упаковке) обиделись и пожаловались старшим товарищам, после чего Кобу позвали к товарищу Ленину «на ковер». Вовремя я, однако, зашел... На ловца, как говорится, и зверь бежит. Но сначала нужно немного подготовиться. Мысленная команда, небольшая пауза – и вот в мой кабинет входит вооруженное до зубов отделение первопризывных амазонок, и вместе с ними товарищ Бергман.

– Не беспокойтесь, господа, – сказал я фон Кюльману и фон Чернину, – все эти люди пришли сюда не за вами, а по душу вон того чернявого типа в очках, что сейчас размахивает руками, брызжет слюной и сыплет грязными ругательствами.

– А кто это? – спросил статс-секретарь германского МИДа.

– Это Яков Свердлов, – ответил я, – один из четырех высших руководителей большевистской партии и после устранения господина Троцкого – одно из самых больших препятствий для исполнения наших планов. Это просто замечательно, что он тут так удачно оказался, не надо будет бегать за этим персонажем по всему Петрограду.

– Вы его... того? – спросил граф Чернин, проведя себя пальцем по горлу.

– Далеко не сразу, – ответил я. – Сначала этим персонажем займется начальник моей службы безопасности полковник Бригитта Бергман, которая выжмет из него все подробности сотрудничества компрадорской части руководства большевистской партии со странами Антанты. Молодому советскому государству такое обременение не нужно ни в малейшей степени.

– Вы сделали женщину полковником? – с изумлением в голосе спросил Рихард фон Кюльман, глядя на нашу Снежную Королеву.

– Полковником министерства государственной безопасности в запасе госпожа Бергман была еще до того, как присоединилась к моей армии, – парировал я. – Только тогда ей было уже шестьдесят восемь лет, и ее жизненный путь подходил к концу. Но для меня такие мелочи не препятствие. Установив, что госпожа Бергман подходит мне в качестве подчиненной, и, самое главное, я сам подхожу ей в качестве начальника, я отдал своим специалистам по этой части распоряжение, чтобы ей построили новое молодое и абсолютно здоровое тело. Мне ничего не жалко для тех людей, что поступают ко мне на службу и справляют ее верой и правдой.

– Вы, господин Серегин, способны даровать человеку новое молодое тело? – со смесью восхищения и ужаса спросил Рихард фон Кюльман.

– У меня есть правило предоставлять такую возможность только тем, кто поступил ко мне на службу или является моим союзником и другом, – ответил я. – Сразу скажу, что эту услугу невозможно получить за деньги, вне зависимости от предложенной суммы. Так у меня дела не делаются. Но давайте поговорим об этом позже, так как сейчас уже пора действовать. Вы пока подождете здесь, а я быстро разберусь с неожиданно возникшим делом, после чего мы переговорим с господином Ульяновым-Лениным.

Оставив господ дипломатов размышлять над моими словами, я решительно распахнул портал и шагнул внутрь ленинского кабинета, поприветствовав присутствующих нейтральными словами:

– Добрый день, товарищи...

– Добрый день, товарищ Серегин, – ответил хозяин кабинета. – А у нас тут, как видите, дискуссия...

– Да не дискуссия это, товарищ Ленин, а базарный скандал, – хмыкнул я. – Товарищ Коба все сделал правильно, а товарищ Свердлов наезжает на него из соображений, весьма далеких от укрепления Советской власти и перспективы построения социализма.

– Да кто ты такой, чтобы давать нам советы?! – будто ужаленный в зад, взвился Свердлов. – Старорежимный офицеришка-золотопогонник!

– Товарища Серегина, – вздохнул Ленин, – порекомендовал нам очень серьезный и надежный человек... я сам, только из мира четырнадцатого года. Там товарищ Серегин оказал партии большевиков весьма значительную материальную и организационную помощь, за что был кооптирован товарищами в члены нашего ЦК. И офицерский мундир с погонами им в этом не воспрепятствовал, ибо не мешает товарищу Серегину быть настоящим большевиком.

Свердлов хотел было выкрикнуть что-то протестующее, но я щелкнул пальцами, и ленинский кабинет озарил Истинный Свет. Это заклинание – одно из тех, что доступно мне как Адепту Порядка, и оно не только ослабляет порождения Зла, но и высвечивает прямую ложь, уловки и недомолвки.

– Скажи мне, Яков Михайлович, – тоном беспрекословного приказа произнес я, – как поживает брат твой Зяма, в миру Зиновий Пешков, капитан французской армии, проходящий сейчас службу во Втором Бюро, сиречь военной разведке? Давно ли ты получал от него весточку с ценными указаниями его начальства о том, что нужно как можно скорее разделить Советскую Россию на множество мельчайших республик и автономных областей, а потом разжечь в ней Гражданскую войну, чтобы брат пошел на брата, а сын на отца? Ибо только так это и делается: сначала полено делят на тончайшие лучинки и только потом подносят к их вороху горящую спичку.

Свердлов раскрыл рот, да так и застыл. Правды он сказать не мог, а правдоподобно солгать при Истинном Свете невозможно. Глаза товарища Ленина прищурились, он, фирменным жестом заложив пальцы за проймы жилета, привстал со своего стула, чтобы разразиться гневной тирадой. И тут из-за моей спины выступила товарищ Бергман.

– Все это так, – произнесла она. – Одной рукой дергая за ниточки господина Свердлова, другой французы приводят в движение ваши контрреволюционные силы, опирающиеся на многочисленное и активное франкмасонское лобби. Генералы Рузский, Алексеев, Корнилов и иные уже давно служили не России, а своему тайному начальству, ибо беспрекословное подчинение вышестоящим – главная обязанность масона. Самому фигуранту после падения в России Советской власти была обещана эмиграция под чужим именем во Францию и остаток жизни, проведенный на собственной вилле. Но все это морок, ибо после того, как мавр сделал свое дело, он становится никому не интересен. Поступили бы с ним так же, как и с Великим князем Кириллом Владимировичем, которому франкмасонские заговорщики, будущие члены Временного правительства, обещали, что он взойдет на трон как революционный император Кирилл Первый. Как только последний император подписал отречение, все обещания были забыты, и Россия стала Республикой. Верить таким людям, как французы и британцы, это значит не только себя не уважать, но и ставить на кон собственную голову.

– Подтверждаю все сказанное товарищем Бергман, – сказал я. – Мне тут подсказывают, что в тридцать пятом году сотрудники ВЧК-ОГПУ вскрыли личный сейф товарища Свердлова, после его смерти провалявшийся на складе шестнадцать лет. И там не обнаружилось ничего, кроме ста тысяч рублей в царских золотых монетах, кучи золотых украшений с драгоценными

каменьями, а также вороха подлинных иностранных паспортов, выписанных на самые разные имена и фамилии...

– Пог-годите, товагищ Сегегин! – воскликнул Ленин, от волнения картавя больше обычного. – Это нужно провегить! Товагищ Коба, возьмите кого-нибудь в когидоге и пгинесите сюда сейф товагища Свегдлова! Вскгыв его, мы узнаем, кому нам следует вегить – товагищу Сегегину или товагищу Свегдлову!

Товарищ Коба поручение вождя выполнил быстро, тем более что и кабинет Свердлова располагался по соседству с кабинетом Ленина. Не прошло и пяти минут, как четверо мужиков в солдатских шинелях и папахах, пыхтя, втащили в дверь массивный сейф и с тяжелым стуком поставили его на пол. Сделав свое дело, добровольные грузчики скользнули по нам с товарищем Бергман равнодушными взглядами и вышли. Люди в военной форме в Смольном – самое обычное дело, а вот погон и всего прочего они просто не увидели, ибо этого не позволило заклинание маскировки.

– Ну-с, товагищ Свегдлов! – сказал Ильич, когда посторонние очистили помещение. – Давайте же сюда ключ! Быстрее, быстрее! Если товагищ Срегин сказал неправду, то это в ваших же интересах, а если все совсем наоборот, то я вам не завидую. Плакало ваше пгедседательство во ВЦИК, и не только.

Бригитта Бергман посмотрела на клиента пристальным взглядом, и тот, как замороженный, медленно-медленно вытащил из бокового кармана кожанки большой ключ. Помимо ключа, к сейфу требовался еще и четырехзначный код, набираемый дисками в верхней части дверцы, но, видимо, его наша начальница службы безопасности считала прямо из памяти клиента. Щелк-щелк-щелк-щелк, два поворота ключа – и вот тяжелая дверца почти бесшумно открывается... А там, как говорилось в одной комедии, все, что нажито непосильным трудом. Нижнее отделение набито цилиндриками, обернутыми в синюю упаковочную бумагу. Энергооболочка шепчет, что каждый цилиндрок – это сто золотых десятирублевков, то есть тысяча царских рублей. На глаз в этом сейфе сто тысяч вполне может быть. Но товарищу Бергман этого мало, она достает один цилиндрок, разрывает бумажную упаковку и высыпает на стол товарищу Ленину пригоршню блестящих золотых кружочков с портретами последнего русского царя. В среднем отделении сейфа находятся побрякушки россыпью, уже никому не интересные, потому что с ними и так все ясно, а в верхнем отделении лежат бланки паспортов, которые наша начальница службы безопасности ворохом кидает поверх золотых монет...

Глаза у Ленина становятся какими-то совершенно круглыми и взбешенными. Он с отвращением роется в паспортах, дрожащими руками открывая то один, то другой. Тем временем, пока все внимание присутствующих обращено на содержимое сейфа, Свердлов старается незаметно расстегнуть кобуру, висящую на поясном ремне. И я, и товарищ Бергман заметили это телодвижение, но не подали и вида. Пусть пан Свердлов сам вскроет свою сучность до конца и без остатка. Вот Ильич резким движением отбрасывает от себя паспорта, отчего некоторые из них падают на пол, и поднимает ненавидящий взгляд на Свердлова.

– Ну ты и гнида! – только и успевает сказать он, прежде чем тот выхватил пистолет и направил его в голову вождю революции.

Расстояние метра полтора, промахнуться невозможно. Щелк! Осечка. Ленин от испуга на грани обморока. Свердлов вручную передергивает затвор и давит на спуск еще раз. Опять осечка. Третья попытка выстрела – в ненавистного Кобу, и с тем же результатом. Четвертый выстрел в Бригитту Бергман – и опять осечка... А пятый уже в меня, и с тем же результатом.

– Эй, придурок, – сказал я, – из своей хлопушки в моем присутствии ты можешь только застрелиться, если хватит храбрости. У тебя остался один патрон, решайся.

Да уж, Яша Свердлов – это далеко не Михайло Голицын: застрелиться в безвыходной ситуации не смог, а я его и не принуждал, как болгарского царя Фердинанда в прошлом для меня мире. А может быть, дело в том, что царские сатрапы уже не раз арестовывали этого

человека, но он неизменно бежал из ссылки и снова брался за свое. Привычка, как говорится, вторая натура. Или он надеялся оправдаться перед товарищами по партии, среди которых было множество его сторонников?

Уже подняв пистолет к голове, Свердлов вдруг отбросил его и поднял руки, показывая, что сдается. И только тут я обратил внимание на то, что Ильичу, кажется, сделалось хреновато от всех сегодняшних переживаний, и сейчас он едва стоит, опираясь рукой на стол. Если сам гражданин Кондрат к нему еще не пришел, то кто-то из его меньших родственничков сейчас явно ошивается поблизости.

– Лилия, – сказал я в пространство, – ты мне нужна!

Хлоп! – И мелкая божественность уже тут как тут: стоит на сейфе в своем докторском прикиде, как тот же Ленин на броневике. У Кобы, да у Свердлова челюсти так и отвисли, а вот Ильич на это явление не прореагировал никак. Не до того.

– Я тут, папочка! – заявила маленькая проказница. – Кого тут нужно вылечить и от чего?

– Местному товарищу Ленину вдруг стало плохо, а от чего его лечить, разберешься сама, – ответил я.

– Опять ты, папочка, нахулиганил, – сказала Лилия, легко спрыгивая с сейфа на пол и подходя к Ильичу. – Нельзя было поаккуратнее?

– Я тут ни при чем, – начал оправдываться я, – это все вон тот тип, что направил на товарища Ленина оружие, а я только сделал так, чтобы он не смог выстрелить...

– Все равно, ты мог бы сразу скрутить этого гада в бараний рог и вывернуть наизнанку, – упрямо произнесла мелкая божественность. – Ведь ты же умеешь...

– Виноват, товарищ Лилия, – ответил я. – Исправлюсь. Больше не повторится.

– Ну ладно, посмотрим, что там стряслось, – кивнула наша маленькая лекарька. – Товарищ Коба, помогите мне усадить товарища Ленина на стул. Вот так. Аккуратней, аккуратней... Все, а теперь отойдите в сторону... здесь я власть, то есть врач.

Встав за спиной у вождя мировой революции, она принялась массировать ему голову, уделяя особое внимание вискам.

– Товарищи, быть может, стоит послать за настоящим доктором? – обеспокоенно спросил Коба.

– Товарищ Лилия – лучший врач во всех подлунных мирах, – вздохнул я. – Даже если обратиться к медикам цивилизации пятого уровня, то они будут бессильны без своей диагностической и лечебной аппаратуры. А моя приемная дочь – в одном лице и опытный врач, и лучшая медицинская аппаратура. И не смотрите, что она выглядит как двенадцатилетняя девочка, на самом деле под такой невинной личиной скрывается античная олимпийская богиня, которой уже больше тысячи лет. И все это время она практиковалась во врачевании, так как имеет к нему талант. Кстати, смотрите, товарищу Ленину уже явно лучше.

И действительно: щеки вождя мировой революции из желтых сделались розовыми, а по лицу расплылось выражение блаженного наслаждения. Прикрыв глаза, он явно получал удовольствие от Лиленного массажа, как кот, которому чешут за ушами.

– Сейчас не случилось ничего особенно страшного, – сказала Лилия вполголоса. – Просто небольшой спазм сосудов, который я смогла снять своими обычными методами, даже не прибегая к чему-то экстраординарному. Но товарищу Ленину требуется как можно скорее пройти у меня полное обследование в Тридесятом царстве и получить предписанное лечение, а иначе недалеко до беды.

После этих слов Ильич широко открыл глаза и вздохнул.

– Пожалуй, товарищ Лилия, я снова бодр и полон сил, – заявил он. – Спасибо вам за своевременно оказанную помощь. Это было архиинтересное знакомство.

– Это еще не все, товарищ Ленин, – сказала Лилия, доставая прямо из воздуха высокий стакан с искрящейся водой Фонтана. – В качестве завершения лечебного сеанса прямо сейчас выпейте эту живую воду.

– Живую воду? – переспросил вождь мирового пролетариата. – А разве это не сказка?

– В каждой сказке есть лишь доля сказки, – ответила Лилия. – Вы только попробуйте, и тогда поймете, что это лучший напиток в вашей жизни.

Ленин начал с маленького глоточка, потом сделал несколько крупных глотков, а остаток стакана осушил уже залпом.

– И в самом деле, – сказал он, отдавая Лилии стакан, который тут же растаял в воздухе, – это не вода, а какая-то амброзия. Теперь энергия меня просто переполняет, а мысли ясные, будто из хрустала.

– На самом деле амброзия на Олимпе в последнее время стала уже не та, – сморщила носик Лилия. – Кислятина. Наверное, экономят – Геба на одном, а Ганимед на другом. А вот Дух Фонтана за качество своей Живой Воды отвечает. Я каждый день буду присылать вам по одному стакану такой воды, и тогда сил у вас хватит на все первоочередные дела с моим приемным отцом Серегиным. А потом оставите за себя товарища Кобу, и добро пожаловать ко мне на обследование. А сейчас позвольте откланяться – свое дело я уже сделала.

Лилия, умница, не стала сразу говорить местному Ильичу, что ему придется оставить пост председателя Совнаркома и сосредоточиться на теоретической работе. Вино власти уже ударило этому человеку в голову, и теперь отучить его от этого хмельного чувства будет непросто. И уж точно это разговор не стоит затевать между делами.

– Итак, товарищи, – сказал Ленин, когда Лилия исчезла в неизвестном направлении, – в первую очередь нам требуется решить, что делать с товарищем Свердловым, который нам теперь больше не товарищ. Все, укатали сивку крутые горки. Ну а потом, мы хотели бы знать, чего такого архиважного хотел сказать нам товарищ Серегин, когда пришел сюда по одному делу, а наткнулся на другое.

– Там, – потыкал я за спину, туда, где должен был располагаться портал, – встречи с вами дожидаются министр иностранных дел Германской империи Рихард фон Кюльман и министр иностранных дел Австро-Венгерской империи Оттокар фон Чернин. Мы с ними пришли к некоему рамочному взаимопониманию о том, каким должен быть мирный договор, взаимоприемлемый и для Советской России, и для стран Четверного союза, и теперь вы вместе с ними должны изложить это понимание на бумаге, чтобы было понятно, что, кому и сколько вешать в граммах. Кайзер Вильгельм пока против, но я умею убеждать, а потому пройдет совсем немного времени, и он тоже будет двумя руками «за».

Яков Свердлов хотел было протестующе заорать, но товарищ Бергман щелкнула пальцами, и его от пяток до макушки охватил паралич. Тем временем Ленин помотал головой, будто прогоняя наваждение, и сказал:

– Быстро, однако, товарищ Серегин. И как же это у вас получилось?

– А просто, – сказал я, махнув рукой, – высадил в Брест-Литовске бригаду генерал-майора Тучкова, поставил всю германскую камарилью в позу пьющего оленя, когда зад находится выше головы и только потом начал вести дипломатические переговоры. Но только сперва я приказал своим людям вздернуть на весьма, кстати, подвернувшейся виселице главу турецкой делегации Талаат-пашу, по совместительству кровавого палача армянского народа, а также всю ту компанию, что прибыла договариваться с немцами от лица Украинской Центральной Рады. Мазепам – собачья смерть. По счастью, месье Троцкий не успел признать независимость их буржуазного недоправительства, поэтому все прошло как нельзя лучше. Германцы такое серьезное отношение к делу понимают лучше всего.

– А что же товарищ Троцкий? – спросил Коба. – Ни за что не поверю, что он не возражал против такой прогрессивной программы...

– Ваша красивая ненужность попробовала было потрындеть, – ответил я, – но получила от товарища Кобы ногой по колокольчикам и сняла свои возражения, а я объяснил господам дипломатам, что человек, призывающий к неограниченному насилию, не должен возмущаться, когда такое насилие применяется к нему самому. И все всё сразу поняли. Одним словом, всю ту делегацию я отправил под следствие как врагов советской власти, ибо своей целью господин Бронштейн и компания ставили не заключение мира со странами Четверного союза, а принуждение Германии к нарушению перемирия и началу общего наступления вглубь советской территории. А вам это надо?

– Нет, – ответил Ленин, – такого нам не надо. Но все же, товарищ Серегин, не слишком ли вы круто?

– Отнюдь, – ответил я. – Ведь месье Троцкий – такой же, как и только что нейтрализованный господин Свердлов, только связан не с французскими Ротшильдами, а с их американскими конкурентами Кунами, Леебами и Шиффами. И цель их – сделать так, чтобы Россия из войны вышла, но германские дивизии с Западного фронта оттягивать продолжала. Ну я и объяснил Рихарду фон Кюльману, что Западный фронт – это вопрос жизни и смерти Германской империи, в то время как на востоке ей лучше устанавливать с Советской Россией полноценные отношения и налаживать торговлю, а не пытаться грабить местное население. С грабителями русский человек привык рассчитывать действиями партизанских отрядов, как во времена Дениса Давыдова, да и я, в случае отказа германской стороны от моей прогрессивной программы, начну изо всех сил лупить дубиной по головам власть имущих, стараясь не задеть немецкий пролетариат. Несколько отрезанных генеральских голов, брошенных на стол германскому кайзеру, сделают того гораздо сговорчивее по поводу моих условий. И вот сейчас, когда военспецы из состава всех делегаций обнюхивают ту монтировку, которой я буду лупцевать их в случае упрямства, я привел сюда главных дипломатов Германии и Австро-Венгрии. Теперь вы все вместе должны превратить наши предварительные договоренности в проект мирного договора между Россией и Германией, к которому прочие страны будут присоединяться при помощи отдельных протоколов, ибо не все они просуществуют хотя бы до конца этого года. Также я договорился о составлении секретного протокола, который в случае распада Австро-Венгрии на составные элементы будет делить ее территорию на зоны влияния Германии и Советской России...

Выслушав мою речь, Коба и Ленин обалдело переглянулись.

– Вот теперь, – сказал Ильич, – я воистину убедился, что вы, товарищ Серегин, и в самом деле Бич Божий, получивший указание своего начальства всячески поддержать Советскую Россию...

– А я, – сказал будущий Отец Народов, – поверил в то, что товарищ Серегин – настоящий большевик. Действовать таким образом, без оглядки на условности, имея в виду только поставленную цель, способен только наш человек.

– А я и есть ваш человек, товарищ Коба, уроженец основанного вами с товарищем Лениным советского государства, еще существовавшего в конце двадцатого века, – ответил я. – Потом это государство пало, пораженное внутренними проблемами в правящей партии, но память о нем осталась жива, по крайней мере, в моем и следующем за ним поколении.

– Как так пало, товарищ Серегин?! – возмутился вождь мирового пролетариата. – Вы нам об этом ничего не рассказывали, да и в той книге, которую вы передали, о таком ничего написано не было.

– Эта книга была издана, когда СССР находился на вершине своей славы, только что миновав зенит, – парировал я. – У власти находилось поколение под руководством великого товарища Сталина, выигравшее Великую Отечественную Войну, и тогда казалось, что ничего не предвещает беды. Но годы этих людей были уже сочтены, а на смену им шли мелкие, как тараканы, сплошные Зиновьевы и Троцкие, сожравшие изнутри великую страну всего

за пятнадцать лет. Вся та мерзость, что организовала буржуазный переворот в свою пользу и уничтожила коммунистическую идею, вылезла как раз из недр Коммунистической партии Советского Союза и сопутствующих ей организаций вроде Ленинского комсомола. Занимаясь построением партии и государства нового типа, тщательнее, товарищи вожди, относитесь к своей работе, ибо то, что вы сейчас сварганите, будущие поколения станут принимать внутрь себя, а не приложат к заднице вроде пластыря. Но сейчас говорить об этом еще не время. Вы, товарищ Ленин, очень точно уловили важность текущего момента. Сначала – мир с Германией, причем такой, который не оттолкнет от нас все здоровые силы общества, и только потом – все остальное, которое от вас тоже никуда не денется.

– Действительно, – кивнул Ленин, – мир с Германией и в самом стоит для нас на первом месте, а об остальном можно поговорить и потом. Сейчас надо только решить, что делать с бывшим товарищем Свердловым, который решил поставить себя над интересами партии и народа, а потом можно и разговаривать с господами дипломатами.

– Я могу пока взять этого поца к себе и присоединить его к Троцкому и компании, тем более, что это явления одного калибра, – сказал я. – Потом надо будет найти товарища Дзержинского и посвятить его в сии тайны. Он у вас председатель ВЧК, ему в этом деле и карты в руки. Товарищ Бергман тоже советский человек, хоть и немецкой национальности, является прямой наследницей дел Железного Феликса, так что я думаю, что они вполне смогут организовать совместное расследование антисоветской и антипартийной деятельности некоторых ваших бывших товарищей.

В ответ на это Коба хитро улыбнулся в роскошные усищи, ибо люто ненавидел как Троцкого, так и Свердлова, а Ильич потер руки и воскликнул:

– Ну что же, товарищ Серегин, совместная следственная комиссия – это лучшее, что можно придумать в такой ситуации. И вообще, мелькнула у меня мысль об объединенной партии большевиков всех доступных вам миров, которая под руководством двух товарищей Лениных протянет свою железную руку в будущее через толщу лет для того, чтобы исправлять уклоны и извращения наших далеких потомков. Описанную вами ситуацию с разложением коммунистической партии и реставрацией капитализма лично я считаю неприемлемой и требующей самого решительного исправления. И никого мне при этом не будет жалко, товарищи – никого, даже если прежде эти люди были нашими самыми преданными соратниками.

– А вот эта мысль, товарищ Ленин, воистину стоит дорогого, – сказал я, – но об этом потом. Сейчас требуется провести переговоры с господами фон Кюльманом и фон Черниным. Однако должен сказать, что в настоящий момент ваш кабинет для этого подходит плохо. Сейчас сюда нужно вызывать людей, которые опишут изъяты у господина Свердлова ценности для передачи их в казну партии. Думаю, что этим должен заняться товарищ Коба, в будущем известный как знатный бессребреник, а вас я приглашаю в свой кабинет в Тридесятном царстве, где для ведения переговоров имеются все необходимые условия. Должен сказать, что проход между мирами все это время будет оставаться открытым, так что товарищ Коба, когда закончит тут со всеми делами, сможет к нам присоединиться.

– А почему бы и нет, товарищ Серегин! – снова потер руки вождь мирового пролетариата. – Посмотрим, как вы там у себя живете, и вообще... А, вы товарищ Коба, и в самом деле, когда закончите, присоединяйтесь к нам. Дело, кажется, намечается архиинтересное и архизанимательное...

Семьсот восемьдесят третий день в мире Содома. Заброшенный город в Высоком Лесу, Башня Силы.

Капитан Серегин Сергей Сергеевич, великий князь Артанский

Когда мы с Ильичом шагнули в мой кабинет, а следом Бригитта Бергман ввела туда едва переставляющего ноги Якова Свердлова, господа министры иностранных дел Герма-

нии и Австро-Венгрии о чем-то тихо переговаривались между собой. Увидев наши персоны, Рихард фон Кюльман отвлекся от этого увлекательного занятия и с некоторым неудовольствием сказал:

– И долго же вы занимались своими делами, господин Серегин!

– Зато безвозвратно устранено одно из самых крупных препятствий для заключения справедливого и взаимоприемлемого мира, – парировал я, – и теперь вы с господином Ульяновым-Лениным можете сесть и составить так необходимый нам проект соглашения.

– И кто этот документ будет подписывать с советской стороны? – спросил Оттокар фон Чернин. – Вы или господин Ульянов?

– Я лишь посредник и гарант исполнения этого соглашения, – ответил я. – Поэтому проект документа подпишут товарищ Ленин и Рихард фон Кюльман, а кайзер Вильгельм его контрассигнует, когда я сподвигну его на это дело. Вам же, как представителю Австро-Венгрии, останется только присоединиться к готовому соглашению через отдельный протокол, как и следует из наших предварительных договоренностей. А сейчас, господа, прошу к столу.

Еще раз изложив свое кредо и выложив на стол карту с самым точным начертанием западной границы Советской России, я оставил высокие договаривающиеся стороны наедине со стопками писчей бумаги и одноразовыми шариковыми ручками (в свое время притаренными нами с югоросского контейнеровоза) и отошел в сторону; дальше товарищ Ленин должен был справиться сам, председатель Совнаркома он или нет. Кстати, эти ручки сами по себе вызвали величайшее удивление.

– Что это, товарищ Серегин? – спросил Ильич, вертя в пальцах пишущую пластиковую палочку.

– Это ручка, не нуждающаяся в чернилах и чернильнице, – сказал я. – Просто берете и пишете без всяких дополнительных манипуляций, и уже через несколько секунд написанное перестает размазываться пальцем. В вашем мире до такого еще примерно лет пятьдесят-шестьдесят, но время летит быстро. Не успеете моргнуть глазом, и будущее уже наступило. Есть и более продвинутые методы составления документов, но вам троим они совсем непривычны. Так что не отвлекайтесь от дела, берите ручки и пишете, не обращая внимания на новизну. К хорошему привыкают быстро.

Примерно через час, когда работа у Ильича была в разгаре, через портал в мой кабинет зашел Коба. Увидев, что его старший товарищ и учитель занят делом, будущий Отец Народов остановился в нерешительности, вроде как оставшись не удел.

– Товарищ Серегин, – наконец спросил он у меня, – у вас тут можно курить?

– Здесь нет, – ответил я, – но мы можем пройти на балкон, и там вы сможете подышать в свое удовольствие. Я, видите ли, тут тоже сейчас не нужен. Поставив перед переговорщиками граничные условия, я сунул руки в карманы и отошел в сторону. Со всем прочим, пока в должность не вступит новый нарком иностранных дел товарищ Чичерин, со всеми такими делами товарищ Ленин должен справляться сам.

– А я и не знал, что вы можете назначать нам наркомов, – недовольно проворчал Коба.

– В прошлом моего мира, – сухо сказал я, – когда месье Троцкий изгадил мирный процесс с Германской империей, получив условия хуже худших, на посту наркома иностранных дел его сменил как раз товарищ Чичерин. Думаю, что и на этот раз товарищ Ленин примет такое решение, тем более что ни о какой изоляции Советской России с западного направления речи идти не будет.

– Тогда понятно, – сказал Коба, доставая из кармана... нет, не трубку, а смятую пачку папирос.

Некоторое время он курил, внимательно осматривая окрестности, потом сказал:

– Красиво у вас тут, и пахнет как в храме, только не узнаю этого места. Это, наверное, Индия?

Ну вот, Сосо тоже поначалу принял Тридесатое царство за Индию. Впрочем, ошибиться тут легко.

– Нет, товарищ Коба, – покачал я головой, – это не Индия, а другой мир. Совсем другой, не похожий на обычные миры Основной Последовательности, соответствующие тому или ному периоду человеческой истории. Долина, которую вы видите, называется Тридесатым царством, а за ее пределами лежит субконтинент, который мы называем Проклятым миром Содома. Именно сюда всемогущий Господь сослал закосневших в своем грехе обитателей Содома и Гоморры в надежде на то, что тут, в изоляции от общества, они исправятся...

– Но ведь в Библии сказано, что Содом и Гоморра были уничтожены огнем с неба, – задумчиво произнес будущий Отец Народов. – Или вам известно больше, чем иным прочим?

Я пожал плечами и ответил:

– Там у нас, в будущем, когда начали производить археологические раскопки на месте расположения двух этих городов, не обнаружили никаких развалин. Земля была будто срезана на три метра вглубь. А потом, когда моя команда пошла по мирам, то потеряшки нашлись здесь. При этом они не только не изжили свои грехи, но еще их и усугубили. Вот вам первый урок: чтобы исправить человека, недостаточно поместить его в очень трудные условия, необходимо его каждодневное воспитание опытными и чистосердечными наставниками, чтобы по его завершению бывший грешник имел возможность возвращения в круг обычных людей. Впрочем, по большей части это опыт совсем другого мира, куда ушли как раз не грешники, а праведники, ставшие такими воспитателями для первобытного местного населения.

– И все же я чувствую, что вы мне что-то недоговариваете, – сказал Коба. – Связано у вас с этим местом что-то такое... особенное.

– Местные колдуны-содомиты для своих нужд вывели особую породу людей... – сказал я. – Да, Коба, именно колдуны. Этот мир оказался насквозь пропитан магией, а, значит, быстро появились и колдуны. Злой человек обращает во зло все, что дается ему в руки, и содомиты не стали исключением. Так вот, они вывели особую породу людей, состоящую исключительно из женщин, чтобы те воевали за них, работали на них, обслуживали их и даже служили бы им едой, находясь при этом под заклинанием Принуждения.

– Но это же мерзость! – воскликнул начинающий товарищ Сталин.

– Да, мерзость, и в этом с вами будет согласен любой нормальный человек, – спокойно сказал я. – Когда мы пришло сюда с зачатком своей армии, то местные властители бросили на нас свои подневольные орды, но получилось у них... нехорошо. Сначала мы уничтожили колдовское принуждение заклинанием Нейтрализации, после чего сражение закончилось, даже не начавшись. А потом я сказал этим униженным и оскорбленным женщинам, что клянусь убить любого, кто скажет, что они все вместе и по отдельности не равны мне, а я не равен им. Я сказал, что клянусь убить любого, кто попытается причинить им даже малейшее зло, потому что они – это я, а я – это они. Я сказал, что вместе мы сила, а по отдельности мы ничто. Я сказал, что клянусь в верности им, и спросил, готовы ли они поклясться в ответ своей верностью мне и нашему общему делу борьбы со злом, в чем бы оно ни заключалось. И мы поклялись друг другу встречной страшной клятвой, а Господь скрепил ее своей печатью. Так родилось наше воинское Единство. И хоть сейчас в нашей организации бойцовые остроухие отнюдь не в большинстве, все равно всех новых членов принимают через обряд страшной встречной клятвы. И все они действительно часть меня, а я часть их. И потому распропагандировать мои войска ни у кого не получится, ибо служебная иерархия «начальники-подчиненные» у меня имеется, а классово-сословные различия отсутствуют напрочь. И я сам, и последний рядовой боец запасного батальона, только недавно принесший встречную клятву – все мы находимся в одном достоинстве.

– Спасибо за информацию, товарищ Серегин, – сказал Коба, снова улыбаясь в пышные усы. – Мы не будем пытаться распропагандировать ваших людей, потому что, как я уже гово-

рил, вы поступаете как истинный большевик: не боитесь трудностей, всегда идете напролом, и к тому же, как выяснилось сейчас, не делите своих людей на бар и быдло. Но позвольте задать вам один вопрос?

– Спрашивайте, товарищ Коба, – ответил я.

– Скажите, а почему вы завели этот разговор со мной, не самым влиятельным членом ЦК нашей партии? – спросил будущий Отец Народов.

– А вы что, еще сами не догадались? – вздохнул я. – Вы – единственный и неповторимый товарищ Сталин, наследник и продолжатель дела товарища Ленина, поднявший советское государство на недостижимую прежде высоту одной из двух сущих на планете мировых сверхдержав. И другого такого человека в обозримом пространстве и времени я просто не вижу. И пусть через сорок лет после вашей смерти все рухнуло в грязь, ваша вина в этом самая минимальная. Причиной катастрофы стал способ комплектования руководящего ядра вашей партии, куда товарищ Ленин, помимо проверенных бойцов, начал тащить разный мусор вроде Зиновьева, Каменева, Свердлова, Троцкого, Бухарина и иных прочих, имя которым легион. Вы пытались бороться с этим доступными вам способами, но вместо одного пустоголового демагога в руководстве партии оказывался другой, ибо это была самовосстанавливающаяся структура. Вот так борьба с контрреволюцией превратилась у вас во внутривластную борьбу за власть. Ну а когда вы умерли, эта публика, чрезвычайно размножившись, просто пожрала советский проект изнутри. Тут у меня, товарищ Коба, вы сможете обогатиться опытом иных миров, где я или мои коллеги решали аналогичные задачи, и я надеюсь, что это пойдет на пользу и вам, и Советской России.

– Хорошо, товарищ Серегин, – кивнул Коба, глядя как остроухие, проходящие внизу по своим делам, отдают нам честь и шлют улыбки. – Если позволят другие дела, я постараюсь изучить ваше общество, ибо женщины там, внизу, выглядят настолько бесхитростно счастливыми, что мне это кажется невероятным. А ведь вы в любой момент можете послать их в жестокое сражение... Есть в этом какой-то секрет.

– Секрета никакого нет, – ответил я. – Они были даже меньше, чем ничто, а я дал им свою братскую любовь и чувство собственного достоинства. Освободив трудящихся от сковывающих их цепей и вырвав народные массы из тьмы невежества, вы обретете в их рядах такую же простую и чистую любовь. А разные придурки потом назовут это культом личности. Царя Николая свергли не народные массы, а министры и генералы из его ближайшего окружения, так же и некоторые ваши соратнички будут завидовать вам, ненавидеть и бояться, а после того, как вы умрете, постараются измазать все ваши дела дерьмом. По-другому эта обезьянья порода не умеет. Но это не приговор. В рядах моей организации есть люди, чьей родиной является искусственный мир, где Советская Россия и партия большевиков живы и процветают и в начале двадцать первого века. И ни один товарищ Хрущев не поднимется там выше колхозного пастуха, а товарищ Брежнев – выше секретаря областной, по-вашему губернской, партийной организации. О том, что это за люди, вам еще предстоит узнать. Я надеюсь, что вы сумеете перенять знание о том, как нужно строить первое в мире государство рабочих и крестьян, чтобы оно простояло века, а не всего лишь семьдесят лет. И время у вас для этого найдется. Я договорюсь с товарищем Лениным, чтобы он направил вас к нам в Тридешатое царство в кратковременную командировку по обмену опытом. Вам наше знание будет даже нужнее, чем двум другим воплощениям товарища Сталина, что уже находятся у меня в гостях...

После последних слов будущему Отцу Народов изменило его хваленое самообладание. Он уставился на меня непонимающим взглядом и спросил:

– Каких таких воплощений, товарищ Серегин?

– самого младшего вашего брата, Сосо, мы встретили в мире Русско-Японской войны, – ответил я. – Поломав на куски военную машину микадо, мы первым делом провели рокировку на троне Российской империи, заменив беспомощного царя Николая на его брата Михаила...

– А был ли в этом смысл? – перебил меня Коба. – Ведь один царь ничуть не лучше другого царя. Все они мазаны одним помещичье-капиталистическим миром и думают только о себе, а не о нуждах простого народа.

– Вы ошибаетесь, – сказал я, – правильный монарх в своем государстве стоит над всеми сословиями, классами и стратами, а не является частью одной из них. Так, например, едва взойдя на трон, император Михаил сказал, что богатство государства определяется не по капиталам высших классов, а по благосостоянию низших, а также что крупных капиталистов он может заменить государственными чиновниками, взяв их предприятия в секвестр, а трудящийся народ ему заменить нечем. После этого он взялся исполнять свою прогрессивную программу со всей возможной решительностью, да так, что оторванные головы слишком жадных буржуев, коррупционеров и мздоимцев полетели во все стороны. Вам еще тоже предстоит узнать, что такое монархический социализм и с чем его едят.

– А вот тут я с вами мог бы поспорить, ибо такие благие начинания даже самого доброго императора под давлением помещичье-капиталистической верхушки должны быстро сойти на нет, – возразил мой собеседник.

– Не стоит вам со мной спорить, – хмыкнул я, – ибо моя богоданная супруга как раз и происходит из такого мира, где еще одному императору Михаилу удалось до конца воплотить свои идеи, сломав сопротивление помещичье-буржуазной верхушки. Российская империя там существует и в двадцать первом веке, являясь самым могущественным государством мира с многочисленным и вполне благополучным населением, а от нищеты, что одолевала простой народ в начале двадцатого века, не осталось и следа. Зато вас там запомнили как Иосифа Виссарионовича Джугашвили, Великого Канцлера Российской Империи, верного соратника и единомышленника императора Михаила Великого, в интерпретации разного рода буржуазных оппозиционеров-эмигрантов Михаила Лютого. Да и в нашем прошлом вы тоже построили в Советском Союзе похожую систему, только без формального титула, который можно было бы передать по наследству.

– Вы, товарищ Серегин, очень интересно рассказываете, – не спеша произнес будущий Отец Народов. – Но давайте вернемся к Сосо. Я, кажется, вспомнил этого молодого человека, отличавшегося решимостью и юношеской бескомпромиссностью. А такие люди мне нравятся.

– С Сосо мы буквально столкнулись нос к носу, когда предотвращали назревшую Бакинскую резню, – сказал я. – Всем нехорошим людям, в первую очередь губернатору Накашидзе и братьям Шендриковым, мы тогда оторвали головы, а со всеми остальными у нас получилось договориться. Император Михаил, как самодержавный монарх, тиран и самодур, объявил нефтепромышленникам, что либо они приводят денежное содержание своих рабочих к тому же уровню, что имелся на предприятиях фирмы «Братья Нобель», либо он секвестрирует их прииски в казну. На этом вопрос с беспорядками был исчерпан. Сосо тоже входил в комиссию по выработке этого соглашения и после некоторых размышлений заявил, что у него нет желания ни принимать участие в укреплении монархического социализма, ни объявлять ему беспощадную войну. Вместо того он выразил желание отправиться со мной вверх по мирам, чтобы, набравшись опыта, найти себе место где-нибудь в конце двадцатого века, где большевистская идея уже дискредитирована эпигонами, а бороться за права народа все одно требуется.

– Ну что же, – сказал местный товарищ Коба, – я не могу его осуждать. Возможно, несмотря на некоторую юношескую горячность, он и прав... А теперь скажите, что там со вторым моим воплощением и где вы его нашли?

– С товарищем Кобой из четырнадцатого года мы встретились в самый канун империалистической войны, – сказал я. – Сначала я установил связь с местным товарищем Лениным, показав ему положительные и отрицательные перспективы его будущей деятельности, а потом своими методами наглядно показал ему, как политические бонзы так называемого демократического мира сговариваются о начале мировой бойни. Мне удалось убедить вашего вождя

и учителя снять со своих знамен лозунги о немедленном низвержении самодержавия, агитации за поражение своей страны и превращения империалистической войны в гражданскую. Вместо того я посоветовал начать большевистскую агитацию за справедливое будущее в самых широких народных массах, ибо неустройства военного времени должны были этому способствовать. Приняв это решение, товарищ Ленин решил собрать ЦК партии прямо здесь, в Тридесятom царстве, и тогда же мы вместе с другими прочими видными большевиками вытащили товарища Кобу из его ссылки в Курейке. Именно отсюда товарищ Ленин раздавал указания местным организациям, как реагировать на то или иное событие, а с моей помощью его письма доходили до адресатов почти мгновенно, а потому начало войны партия встретила во всеоружии. Еще не прозвучал первый выстрел, а большевики на местах к этому были готовы. В тех событиях товарищ Коба был правой рукой и помощником товарища Ленина, а потом произошло событие, неожиданное даже для меня. Великая княжна Ольга Николаевна, которую я наметил в новые справедливые монархии, в первый же день пребывания в моих владениях встретила с товарищем Кобой, и эти двое нашли друг в друге такое сходство душ и характеров, что сразу полюбили друг друга. Теперь ваш брат близнец взойдет на трон вместе с императрицей Ольгой как ее супруг и князь-консорт. И этот брак не будет считаться морганатическим, потому что Акт о Престолонаследии Павла Первого от тысяча семьсот девяносто седьмого года там уже отменен императором Николаем по моему настоянию, поскольку даже невооруженным глазом видно, что правящие фамилии Европы стремительно вырождаются. Братья оттуда женихов и невест означает обрекать себя на появление слабого больного потомства. При этом я уверен, что, и находясь при власти, товарищ Коба-младший ничуть не изменит своим большевистским убеждениям и, более того, будет наставлять в них свою жену-императрицу.

– Да, – сказал будущий товарищ Сталин, доставая из пачки еще одну папиросу, – у меня никогда не было братьев, и вот теперь благодаря вам их стало сразу двое. Ну что же, встретимся и поговорим. Думаю, что эти рекомендации не чужих для меня людей будут стоить даже больше, чем все остальное вместе взятое...

– Не торопитесь считать своих братьев, товарищ Коба, – мрачно произнес я. – Я иду напролом и раздаю удары, не соизмеряя силы, потому что для меня ваш мир – это не более чем проходное задание, с которым требуется покончить как можно скорее. Впереди меня ждет мир сорок первого года. Там советский народ под руководством еще одного товарища Сталина отражает нашествие технизированных германских варваров, ополоумевших от чувства расовой исключительности. Там, в моем прошлом, из молодых людей двадцать первого – двадцать третьего годов рождения выжило только три процента, а всего в ходе войны погибло двенадцать миллионов бойцов и командиров, и еще тринадцать миллионов гражданских. Чтобы не опоздать на это рандеву, тут у вас я готов сносить упрямые головы пачками, неважно, будут это революционеры или контрреволюционеры, и никого и ничего мне не будет жалко, кроме несчастного страдающего простого народа. Человек, продолжающий разрушать государство, в котором он уже взял власть, подобен тому, кто поджигает собственный дом. Это либо безумец, либо дом на самом деле не его. Приготовьтесь к тому, что вслед за Троцким и Свердловым во тьму внешнюю полетят и другие деятели, стоит им хоть в малейшей степени воспротивиться моим действиям. И то же самое я хочу сказать о тех деятелях с противоположного фланга, что долдонят про некий союзнический долг. А о долге перед своей страной они забыли, тем более что и союзники у России в Империалистической войне были такие, что с ними не надо и никаких врагов. Когда я уйду сражаться на главной войне нашей истории, здесь у вас должны остаться сильная, единая и неделимая Советская Россия и ее вождь товарищ Сталин...

– Постойте, товарищ Серегин! – воскликнул будущий Отец Народов. – А как же товарищ Ленин?

– А товарищу Ленину, – вздохнул я, – в ближайшее время придется перейти на чисто теоретическую работу, а иначе деятельность на посту председателя Совнаркома убьет его за пять

лет, и последние полтора года существования разбитого параличом полутрупа будут страшными, как адские муки, начавшиеся еще при жизни. С соответствующей исторической литературой, описывающей период болезни товарища Ленина, мы вас ознакомим. Наши медики обследовали его брата-близнеца из четырнадцатого года и сделали вывод, что при продолжении такого образа жизни, как сейчас, никакие медицинские манипуляции не смогут изменить ситуацию с его здоровьем. Сегодняшний приступ, который вы сами наблюдали, это еще не приговор, но уже первый тревожный звонок. Чем раньше вы смените своего учителя на посту главы советского правительства, тем дольше он проживет и больше успеет сделать как теоретик. Понимаете меня?

– Да, товарищ Серегин, – кивнул Коба, – я вас понял. Если товарищ Ленин сам выскажет желание передать мне обязанности Предсовнаркома, то я впрягусь в этот адский воз и поташу его без единого стога.

– Иного ответа я от вас и не ожидал, – сказал я. – А сейчас идемте, кажется, товарищ Ленин и господа дипломаты сумели составить взаимоприемлемый проект мирного соглашения в пределах очерченных мною рамок.

Семьсот восемьдесят третий день в мире Содома. Вечер. Зброшенный город в Высоком Лесу, Башня Силы.

Капитан Серегин Сергей Сергеевич, великий князь Артанский

Отправив господ дипломатов в Брест-Литовск перебеливать проект мирного договора и выслушивать военспецов, к тому моменту как раз вернувшихся с экскурсии по полевым лагерям моей армии, я проводил усталого, но довольного Ильича обратно к нему в кабинет.

– Вы, товарищ Серегин, – на стоя на пороге портала, сказал мне пока еще глава Советского государства, – сегодня сделали большое дело. Этот фон Кюльман был как шелковый. Одних угроз неограниченного насилия для этого, как мне кажется, было бы маловато. Вы не подскажите, в чем там было дело?

– Если отбросить привычку европейцев хватать все, что плохо лежит, – хмыкнул я, – это договор действительно взаимовыгодный для обеих стран. Сейчас вопрос выживания Германской империи находится на Западном фронте и каждая дивизия, каждый полк и даже каждый солдат, пребывающие в любом другом месте, уменьшают и без того невеликие шансы императора Вильгельма свести войну хотя бы вничью. Если бы речь шла только о французах и англичанах, то немцы еще побарахтались бы, но два миллиона американских солдат – это очень тяжелая гиря на весах войны. Нам страны Антанты тоже не друзья, а лютые враги. Если они победят Германию, и при этом у них останутся ресурсы для продолжения боевых действий, то неизбежна попытка интервенции...

– Вы сказали «нам», товарищ Серегин? – удивленно спросил Ильич.

– Конечно, «нам», товарищ Ленин, – ответил я. – Я не считаю советское государство для себя чужим и просто не хочу, чтобы оно оказалось обременено врожденными болезнями, которые и убили его в моем мире. К различным формам русской государственности в предшествующих мирах мое отношение было не в пример более отстраненным. Чем ближе по временной шкале я оказываюсь к своему родному миру, тем более личным становится мое отношение к существующему там русскому государству. Когда-то Архимед сказал: «Дайте мне точку опоры, и я переверну Землю». Вам такая точка опоры дана, и не стоит превращать ее в жидкую грязь. Мировая Республика Советов, которой вы грезите, может начинаться только с Советской России, и более ни с чего другого.

– Маркс бы с вами поспорил, ну и черт с ним, с этим Марксом! – экспрессивно воскликнул Ленин. – Вопрос только в том, как объяснить столь радикальные изменения нашей политики товарищам по партии, а покойнику Марксу объяснять что-то уже бесполезно. Не поймет.

– Ваш младший брат-близнец, – сказал я, имея в виду Ильича из 1914 года, – по аналогичному поводу сказал, что чистый марксизм надо оставить меньшевикам для того, чтобы они игрались с ним в песочнице, а большевизм нуждается в новой теории, правильно объясняющей все социальные явления в человеческом обществе. У вас тут это решение назрело и перезрело. В науке, когда натурный эксперимент опровергает теоритическую гипотезу, меняют теорию, а в религии, где нет теорий, а есть догмы, подвергают анафеме экспериментатора. В моем прошлом вы, товарищ Ленин, в полный рост напорвшись на несостоятельность марксистской теории, занялись тактическими маневрами на местности, объявив свою Новую Экономическую Политику «временным явлением». Так политическая практика начала расходиться с теорией, иногда даже радикально. Ваш ученик Коба, который, приняв у вас власть, окончательно превратился в товарища Сталина, продолжил ту же практику, впрочем, признав, что никакой теории у советского государства нет, а есть догматика, что совсем не одно и то же. Ну а когда умер и он, к власти пришли люди, которые на местности маневрировать не умели и не хотели, а вместо того все стали делать «по науке», что в итоге привело к краху советского проекта и реставрации капитализма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.